

Снегопад

Как рано стали улицы пустеть...
Когда ещё светлым-светло от снега...
Когда ещё не ловят звёзды с неба
Ни молодой, успевший полысеть
Поэт, ни увядающий любовник,
Который чуть моложе, чем поэт...
Ещё автобус, алый, как шиповник,
Шипит в снегу, а на зелёный свет
Лишь снег идёт...

А люди не идут.
(Не мамонты - чтоб вовсе не осталось...)
И я не знаю, лень или усталость
Толкают в кресла, на диван кладут
Тех, что с работы ринулись галопом
(О табуны! О здания, держись!..).
...Теперь они сидят с телециклопом
И в шахматы проигрывают жизнь.
А снег идёт...

И пусть себе идёт,
Поскольку он не первый - не последний,
Ромашек предок, тополя наследник,
А может быть - как раз наоборот, -
Не это важно...

Ну а что же важно?
Что рано наши улицы пусты...
На них переминаются отважно
Огни и милицейские посты,
А снег идёт по улице пустой...

*

...Навязчивей, чем просто наважденья,
Плечом к плечу сомкнулись учрежденья
И каменно молчат...

И ты постой,
Наивный снег, отвыкший от народа,
Святящийся, как памяти пунктир...
Нормальное явление природы,
Постой у врат в нормированный мир!
Там воздух неестественен и сер,
Вещам и людям выдаются бирки,
И в комнатах, прозрачных, как пробирки,
Так призрачно мерцают ИТР,
Что, кажется, слоняюсь по музею,
Когда, склоняюсь над письменным столом,
Я прохожу сквозь стены и глазаю
На голубых простейших под стеклом.
Они идут... Куда они идут?
Вернее, выются, тужатся и тщатся,

А снег идёт. Но хватит возмущаться
 Их жизнью одноклеточной. И тут
 Идут часы, события бывают:
 Разводы, свадьбы, - маленький, но факт...
 Дают „прогресс“... Начальник вызывает
 (Не на дуэль. Дай Бог, не на инфаркт...)
 А снег идёт...

Берёзы клавесин
 Звенит в саду, который всюду рядом...
 Но эти люди расщепляют атом,
 А ты, признаться, только апельсин...
 А ты сама как скрепки нижешь строфы,
 Надеюсь, неосознанно почти,
 И на пути к любви своей Голгофу
 И на пути к Парнасу обойти...
 И, повздыхав, что в мире мало света,
 В слепой подушке ищешь тишины...
 ...Не остряки, но острые поэты
 И чистый снег отечеству нужны.
 А снег идёт. Идёт совсем один.
 Кому повем печаль твою, о, Снеже!..
 И для кого так светел ты?

И с кем же
 Склониться над мозаикою льдин?

*

Чего мы ждём от зябнущего мира
 В ночном сиротстве с ним наедине?
 Несовершенна личность, а не лира,
 Не мир, а миф о собственной цене.
 И даже самый вздох о благородстве -
 Он слишком сладок около восьми...
 В своём сиротстве и в своём юродстве
 Мы виноваты сами, чёрт возьми!
 Вот снег идёт...

Идёт рабочий стаж...
 Идёт зарплата. Иногда - работа.
 И о расплате думать неохота,
 Стремительно взлетая на этаж
 И снег идёт пока не на виски...
 И не были б желания простыми,
 Но рано стали улицы пустыми...
 И проводов седые волоски
 О материнских мне напоминают
 Кощунственно, но вовремя зато:
 Пока ещё идет она, родная,
 В моём снегу и в стареньком пальто...
 И снег идёт...

А ты уходишь в снег ...
 Один из всех. Единственный - внезапно.
 Ты ждал меня, а я смеялась: „Завтра!“

А снег идёт...

И ты уходишь с ней...

А я прижму - насмешница, горячка -
К твоей груди надменное чело...
Наверно, это белая горячка
От снега и не знаю отчего..

А снег идёт, и улицы пустеют...

1976.

АГОНИЯ

(Венок восьмистиший)

Неприменно с лабиринтами барокко
Дом, в котором происходит моя старость.
Незадолго перед судорогой - странность:
Пить - не пью, но всё помешиваю мокко
В чашке чудом уцелевшего сервиза
На осколки разлетевшейся эпохи...
Фаворитов оглушительные вздохи -
В мир иной почти оформленная виза.

- 2 -

Неприменно с лабиринтами барокко -
Ну а проку-то? Была бы помоложе...
На тахте полуживя и полулежа
Не равно ли, что в хороммах - что в бараке
Но со здравым смыслом, видно, что-то осталось
Подавай мне бакалею из Марокко,
Мебель только рококо, и лишь барокко -
Дом, в котором происходит моя старость.

- 3 -

Дом, в котором происходит моя старость:
Слёзы свечки, завитки угрюмой меди.
Шкуре мною неубитого медведя
Греть мою подагру суток не осталось...
Времена - что имена, а те - как страны, -
В предварительных заявках их не просят.
Просто любят. Я любила. Это - просто
Незадолго перед судорогой странность.

- 4 -

Незадолго перед судорогой - странность:
Рассылаю приглашения на вечер
Всем, которым обещать себя на вечность
Безнаказанно суфлировала страстность.
Всем, которые под ливнями промокли
Бескорыстными скульптурами терпенья.
Усмехнусь ли? Зарыдаю ли теперь я?
Пить - не пью, но всё помешиваю мокко...

- 5 -

Пить - не пью, но всё помешиваю мокко,
Всё ворчу, чтобы захлопывали двери -
Тем, которым дёрнул черт меня поверить,
Не предстану до торжественного морга.
Не видать им утешительного приза:
Рук трясущихся с провисшей грудью вкупе. -
(Горький кофе подслащу - пекусь о вкусе -
В чашке чудом уцелевшего сервиза...)

- 6 -

В чашке чудом уцелевшего сервиза -
Ночь размолотая с пряным ароматом.
Смерть отлично овладела сопроматом, -
Нам ли, немощным, бросать ей жалкий вызов...
А сервизовы дела не так уж плохи:
Ветви - роспись - вновь привыкнутся черенками.
Разобьётся - клей поладит с черепками
На осколки разлетевшейся эпохи.

- 7 -

На осколки разлетевшейся эпохе
Сострадаю и завидую отчасти:
От неё хоть черепки - как боль от счастья.
У неё дела не очень чтобы плохи.
Запершили в горле слов бессвязных крохи.
Звуков, красок я уже не различаю.
А мудрей не становлюсь. Но замечаю
Фаворитов оглушительные вздохи...

- 8 -

Фаворитов оглушительные вздохи
В перепонках разрываются как бомбы

Перстень - гиря... Скоро, стало быть, пред Богом
 Появлюсь, как подобает по эпохе:
 В скромном платье, без молитв, пуанты снизу...
 Сковородку мне готовят - жарче лета...
 (Говорят, что нынче только партбилеты -
 В рай заранее оформленные визы...)

ЗАВЕЩАНИЕ

Пускай тому достанется мой дом,
 Кто сам такой придумает потом. -
 И вдруг найдёт...
 Давно пылится лира...
 Живи, как хочешь, будущий жилец,
 В утиль сбывая блеск моих колец,
 А что оценят -
 в фонд защиты мира...

1972.

РЕКВИЕМ XX-му ВЕКУ

Зашторен реализм - переучёт.
 Романтика закрыта на просушку.
 Ремонт в кубизме.
 В школе Эпикура -
 Летейские каникулы.
 Куда
 Стучаться нашим пишушим машинкам?
 Ты два креста несёшь, XX век.
 Один, вернее, первый - для искусства,
 Второй - как говорится, для души...
 Душа не может в рифму говорить,
 Поскольку рифма - это свадьба звуков
 В тот час, когда, приоткрывая небо,
 Торжественно разводятся мосты
 Над речью, отразившей побережья...
 О, словосочетания обряд
 На скользком зыбком плотике бумажном!
 В такой момент не страшно утонуть,
 Страшнее, что вода пропахла нефтью,
 И небо в ней - твой чёрный ломоть неба
 В тот час, когда мосты разведены.
 Век не созвучий - разногласий век.
 (Недаром свадеб меньше, чем разводов)
 Век - разводящий, он разводит всё:
 Бензином - воду, молоко - водою,

Мосты - руками, а мостами - руки...
 И разводиться не любит канитель
 Век не любви, а пактов и сожительства,
 Вернее, мирных сосуществований
 И нервных, и общественных систем
 До первой же размолвки...

Век двадцатый.

И третий акт.

Но занавес не поднят.

И бархата взволнованные всплески
 Скрывают закулисную возню...
 А зрители, покончив с трюфелями,
 Огрызки яблок прячут в потных пальцах
 И только ждут, чтоб выключили свет...
 И наблюдают света представление,
 Зачем-то всё бинокли наводя
 На ветхий, пыльный, на небесный бархат,
 Что весь изъеден молью самолётов.
 Как будто ждут оптический обман,
 Как будто в силах оптики приблизить
 Предметов кроме, действия предметов...
 Бездействия спектакль. Театр абсурда.
 Две маски золотых - на голубом -
 Поочерёдно западают в складки:
 Сменяется лимонная гримаса
 Селены (удлинённая луна)
 Утрированной солнечной улыбкой...
 Идёт "XX век". Пока аншлаг.
 И у барьера дремлет гардеробщик...
 Он за своей китайской стеной,
 Пока ещё не сожжены подмости,
 Хотя мосты уже разведены...
 И боль свела суставы...

Это осень...

И ревматизмом скрюченные ветви
 Постанывают слабо на ветру,
 Готовы нотным станом распрямиться
 И ради птички, даже воробья,
 Когда бы знать, что обостренье боли
 И вызвано, и вызволено как бы
 Подкорочным предчувствием весны...
 Где научиться чтению между веток?
 Лишь между веток, а не между прочим.
 Но древо родословное, увы,
 Надломлено.

Оторванные листья

Упрямо засыхают завитками
 И общество защитников природы
 Их стряхивает в мусоропровод.
 Труха и мусор листьев и листов.
 Безлиственность

Безликость.

Беспогодые.

Беспочвенность всего и всех -
на почве -

Броня и бронь удобного асфальта
И перебранки крошечные птиц.
И лишь бессонниц рост на нервной почве
Напоминает о корнях, вернее,
О корешках...-

Как руку инвалиду
Свободный на три четверти рукав...
...Чем завершится третья четверть века?
...Чему-нибудь ты научился, век,
С весёлым хрустом вытянувший руку,
Готовясь повторить простой абзац
Параграфа, усвоенного всеми,
И молча простоявший у доски
Мемориальной...

Но, стыда не помня,
Задиристо подбросивший ракету
Над побелевшим шариком земным?..
...Голы, очки.

Пинг-понговая звонкость
Лысеющих голов и городов.
Мячи и рыбы плюхаются в сети,
Блеск шелухи на торсах и витринах
И пустота внутри -
хоть покати
Шаром бильярдным.

Только лузы - блузы...
Силоновые сети пропаганды :
Густая паутина - на мальков -
Из новых сил...

В слабеющей сетчатке
Не держатся пейзажи, выпадают
Картины, книги.

В раковинах шум
Не моря в перламутровой оправе,
А стадиона:

"Бейте эти тех,
А те лупите этих!"

Все болеют...
А счёт пока 0:0, и слава Богу,
Горят по обе стороны табло
Луна и солнце.

Мир в игре...
Защитник!
Сеть параллелей и меридианов
Не выдержит когда-нибудь...

Штрафной!
...Вся наша жизнь - бездонная штрафная

За опоздание в этот мир на двадцать
Мгновений, именуемых веками,
Ещё точнее - просто за приход.
Последний тайм.

Последний акт.

Последний
В тумане дней едва заметный мостик
Меж сердцем и душой...

Поставлен крест

На те кресты, которые, как плюсы,
Соединяли жителей земли
С корнями их подземными, и как бы
Суммировали опыт жизни до
XX-го крестового похода.
Ты два креста несёшь, XX век.
Изящество и блеск твоих доспехов
Не прикрывают, а, наоборот,
Очерчивают шаг средневековья...
Шаг, под которым рушатся мосты.
...Но строятся дома.

Не так-то просто

Построить дом из кубиков бетона.
Поставить синтетическую елку,
А на иголку - чёрную пластинку:
"Завод мелодий. Птичьи голоса".
У человека - новые игрушки,
И смех его, счастливый, инфантильный,
Летит вдогонку спутнику,

и часто

За ним не слышен хруст и треск мостов.
У человека - средний детский возраст
И в затемнённых уголках планеты -
Слезоточивый дым - подростки курят...
В парадных залах пьянствуют подростки
В мундирах президентских..

А внизу

Писатели портфелями дерутся
И в классики играют на панели...
А в классе тянут руки к облакам,
(Да потолки-то нынче низковаты...)
Решая, как всегда, единогласно,
Кого бы им списать с земного шара:
В искусственные спутники земли...
...Судьба искусства, ты в руках людей.
Нам далеко до совершеннолетия...
И столько в нас намешано всего,
И бродит смесью вин,

что неизвестно,

Какое крепче; Доброе ли? Злое?
В подростке трудном - труженике вечном,
Забытом всеми отпрыске Земли

И века по фамилии Двадцатый...
 Несёт он двух крестов тяжёлый крест.
 А вдруг они всего лишь след вороний
 На белоснежной утренней бумаге
 В густых лесах строительства...

А над ней

В тумане солнце брезжит и сквозит,
 И сила есть в мускулатуре почек,
 Хотя плывёт безвольно по теченью
 Опавший чёрный лист календаря...

На перекрёстке всех веков и ветров
 Стоит душа в пальто демисезонном,
 Бледна,
 в чём только держится душа!

1974.

.СВЯТЫЕ ГОРЫ
 (три эскиза)

Поныне к ямбам слог не охладел,
 И снова - время взяться за октаву,
 И хоть формально выйти за предел
 Строфы обычной. - Слишком по уставу
 Живём и пишем. Зреньем завладел
 Экскурсовод, щебечущий картаво,
 А слух свободен для речистых трав
 И шелестов речных... И, видно, прав.

2

Под вашу сень, Михайловские рощи,
 Опять сбредлись автобусов стада. -
 Дешевле путь, укатанней и проще,
 И в два конца: отсюда и сюда.
 Святые горы - как святые мощи,
 Когда в стране туристская страда.
 Святые горы - Пушкинские горы
 Дают весьма рентабельные сборы...

3

Пока отважный наш экскурсовод

Указкой вдохновенно обличает
 Давно к стене приставленных господ,
 Которые воспитанно скучают
 В музейных рамках, - вслушайся: и вот
 Случайный всплеск, донёсшийся с Кучане,
 Закатный блик - взглядишь - от Маленца
 Ведут рассказ от первого лица...

4

Но прежде, чем послушать очевидцев
 И разглядеть курчавую листву,
 И в той зиме не то чтоб очутиться,
 Как сонно пишут - будто наяву,
 Но отдышаться от передовицы
 И от всего, чем загнанно живу,
 Подумать надо об экскурсоводе -
 Бросать его уже неловко вроде...

5

К тому же, он, как правило, - она.
 Она сипит простужено, к тому же.
 Она, к тому же, видимо, одна -
 Зачем с ночёвкой к Пушкину от мужа...
 Она его ревнует, как жена,
 К друзьям, стихам, к жене... - Как будто хуже
 Ему вдвоём с прелестной Натали,
 Чем с ней, нескладной, в этакой дали...

6

А он „женат и счастлив...“ И не ново,
 И не старо спасение души
 Спокойствием. (Смотри письмо Плетнёву,
 А не согласен - Пушкину пиши...)
 А факт, что нашей гибели основа -
 Рожденье наше (сплетни и гроши
 Не стоят слов) - увы, имеет место...
 И пуля-дура - модная невеста...

7

И он женат и счастлив - если он -
 Экскурсовод, щебечущий картаво,
 Один из пачки тощих макарон -
 Филолог, пролезающий в октаву
 Через отдел, где отставной Харон
 По благу спас курчавую ораву
 Его потомков. (Странно или нет,

Но их мордашки - пушкинский портрет.)

8

Здесь чудеса. Здесь ночью Пушкин бродит
 От кубка с пуншем - до монастыря...
 Пойдёт направо - барышню заводит,
 Пойдёт налево - гимны декабря...
 И знать не знает об экскурсоводе,
 Мечтая лишь о милости царя.
 Да и не бродит - перьям для остратки
 Все эти наши пушкинские сказки...

* * *

Сейчас начнётся летопись зимы,
 Из тех снежинок хитрое вязанье...
 Но у порога солнечной тюрьмы -
 Ещё одно последнее сказанье,
 Поскольку, хоть и совестно, но мы
 Постичь не в силах это наказание:
 Хождение в рамках липовых аллей...
 Другим как будто много тяжелей...

2

Ну, пусть луны оскоминная долька,
 И есть долги, а писем долго нет,
 Его послали к матери - и только...
 И у него отдельный кабинет...
 И под кустом - приказчигова Ольга,
 А в трёх верстах - настырная Аннет:
 Калашный ряд и чудный крен в придачу...
 Вздохнул приятель: „Мне б такую дачу...“

3

Не хмурьтесь, пруд, и Гейченко, и лес,
 И ты, турист с повадкой имярека...
 Простим ему пристрастный интерес
 К мещанской жизни тоже человека.
 И что слова - слова имели вес
 Лишь в начертаньи каменного века,
 А в шутках - стиль подложных векселей:
 Смеёшься вслух, а вглубь - не веселей...

4

Но вглубь веков уйти не так уж страшно,
 Свою тоску в классической топя;

И этот снег, безвыходный, вчерашний,
 Как лёгкий пух, касается тебя...
 И светит аист, замерший на пашне,
 И греет солнце, к берегу гребя.
 И густо пахнет залежами торфа,
 И небосвод - в мундире Бенкендорфа.

5

И он - уже наказанный, хотя
 До декабря - метель мазурки, лето...
 (Глядишь, мазурик, баловень, шутя
 Займёт Россию пламенем, а это...)
 Поэт - всегда опасное дитя:
 Игра с огнём - призвание поэта.
 И, как назло, в жестокости царя
 Его спасенье, честно говоря...

6

Слепит сердца фейворками столица,
 Мажором глушит, давит кирпичом,
 Но поневоле с толпами не слиться:
 Талант раскован - в роци заточён.
 Заносит снег события и лица
 И громко вечность дышит за плечом:
 Торопит гений... И звездами блещет...
 Хотя ему от этого не легче.

7

Камин... Листок с обкусанным пером...
 Надменный столбик с куклою чугуной...
 Вчера он здесь беседовал с Петром,
 Сегодня - с Ленским, завтра - с ночью лунной:
 Что злом назвать и что считать добром
 Душе поэта, вспыльчивой и юной -
 О том, что было, есть и будет впредь:
 Как трудно жить и страшно умереть...

8

Почто кичиться званьем человека -
 Что за курганом горбится курган,
 Что выше нас - и облако, и ветка?
 (Со-бор сосновый, - готика, - орган)
 И 25 ему - и четверть века...
 И мозаично сотканный Коран,
 И над Россией луковое горе -
 Всё внятно вдруг... О, книг святые горы!

* * *

Октябрь уж наступил... Ещё потёмки.
 Опала роща. Теплится „Опал“.
 Чумазого приبلудного котёнка
 Зовут мемориально - Ганнибал;
 И тянутся к Тригорскому потомки,
 Позёвывая... (Те, кто не проспал...)
 И кстати им огурчики из бочки
 С морозным хрустом пушкинской Опочки...

2

О, искушённый в классике базар!
 (Посторонись, всезнающий Иракий...)
 Здесь помнят всё, что скушал и сказал
 Сей добрый барин... В честь его спектакли,
 Загородив автобусный вокзал,
 Воссоздают нам ярмарку, не так ли?
 Пернатый гусь... Брусничная вода.
 По заповедным ценам иногда...

3

Ну что ж, он стоит этого. Афёры
 Не больше здесь, чем подлинной любви.
 Пьют за „кормильца“ критики, шофёры,
 Профессора, - кого ни назови...
 И, видно, нет надёжнее опоры
 Сегодня, чем с минувшим виз-а-ви,
 Вздохнуть, сверяя помыслы и чувства
 На языке естественном искусства...

4

Повороши судьбу, поворожи
 И мне, цыганка жгуче-молодая,
 Что в этой жизни нового, скажи...
 Горит пасьянс осенний, увядая,
 Звезда в ночи и фитилёк во ржи,
 И в сумасшедшей славе - Чаадаев... -
 Так думал Пушкин, ёжась на заре,
 Ещё при том Романове - царе...

5

Хотя была история короче,
 И без моих полутора веков

Он знал, оков падение пророча:
 Возможна лишь ослабленность оков,
 В цепи замена звеньев... И до ночи
 Блеск не кинжала, а черновики
 Оттачивал... „И я бы мог, как шут...“
 Но что правей - потомки зачеркнут...

6

... И сердце жечь одним глаголом: „были“- .
 Друзья по крови, братья по судьбе...
 (В ту ночь он с графом ехал на кобыле
 И было всем троим не по себе...)
 ... Побольше б Кюхлю женщины любили -
 Бедняга б меньше думал о борьбе...
 Но к шалопаям (их-то хоть не сглазьте)
 Благоволят красавицы и власти...

7

Но благороден титул: декабрист!
 В нём снег и совесть светятся как будто.
 И не случайно подвиг серебрист,
 А не жесток - в отличие от бунта;
 Не верю я в слепой и нищий риск:
 Голодный рот всегда заткнётся булкой...
 А те, одной свободой горя,
 Теряли всё в метелях декабря!

8

..Меняет время узников и стражу,
 И что с того, что этот наорал... -
 Служенье муз - не почестям и стажу;
 И что с того, что был не за Урал,
 А только в камер-юнкеры посажен
 Поэзии кудрявый генерал...
 И что ему с того, что звёзды - близко...
 Февральский холмик. Холод Обелиска.

Послесловие

Но в дань его ликующему слогу
 И в знак того, что ямб не охладел,
 И раз уж мы покинули берлогу
 Своей судьбы, удрав от срочных дел,
 Прийти бы мне к другому эпилогу -
 Как выйти вдруг за Северный Придел,
 Где запыхавшись у подножья храма,

Когда-нибудь снова приснись...)
 Блестящие фантики утренних окон,
 Дымок из плафонов с недопитым током,
 Сухие хвоинки ресниц.
 Хотелось свечу и щемящую ноту.
 Догнав обогнавших, согреешься в ногу
 (О, медиум скрытой трубы...)
 У времени свой ритуал одиночеств:
 Закутаны в коконы - роем из ночи,
 Сложившие крылья судьбы...

5.
 Заснеженный трамвай
 На ветке - снегирем.
 Когда-нибудь давай
 Нечаянно умрем.

На остановке Грусть
 Так сладко умирать...
 Качнётся на ветру
 Табличка в номерах.

Сапог и рукавиц
 Морозный перепляс,
 Не видя наших лиц,
 Закапывает нас.

.....

Осесть
 под снегом
 в снег,
 Мелькнёт
 в зрачках
 трамвай...

- Заждался человек...
 - Бывает...
 Зарывай...

1979.

ДОМ

Обломанность /задоринок, сучков/?
 Обломовская склонность к постоянству
 Удобной позы - пусть летают мысли,
 А сами лёжа зла не сотворим?

Но рифма разжижается...

Но ритм

Не может - лёжа...

Заедает проза,
Как говорят поэты, заедая
Кулинарией светлый алкоголь.

...Итак, пейзаж с паршивую овчинку - с окно.
Газона стёртое сукно. Противувзглядный
параллелепипед, а на газоне - пара лилипутов,
которым всё пока разрешено. /И главное, что
хочется, и даже обидно, что запрета не дано/.
А рифма-то откуда?! Всё равно...
Ни даром не хочу, ни на продажу.

Всё надоедо - нет же, надо есть
Пресыщенным, не в меру раздобревшим
И благодарным взглядом, да и лесть
Нет-нет, а подливать, стремясь - пореже.
Стремясь - спустись, стремяночка, с небес,-
К другим ландшафтам, к звёздным брудершафтам,
Да и к земным.../“Того?”

Ну что ж, не без

Того, как не без тела и душа-то.../
Ах, эти скобки...Ладно б - на двери
Да на бумаге... Дышим через скобки
Железные. Попробуй, отвори...
Не пробую, хотя и не из робких.
А пробую /уже в который раз/
Противувзглядный дом /уже на крепость/...
Не может быть, чтоб я любила вас,
Столбы, газон, и прочая нелепость.
Вы мне даны по ордеру, в окно
Вошли, как входят шайбами консервы
В наборы с кофе; как входили, но
Дороже стал.

Тем более, не сетуй,

А торжествуй: лишь тот, кто одержим
Останется от гущи претендентов -
И суррогат, и чаевой режим
Утешат прочих.

А тебя?

Да тем-то

И маюсь, и июнюсь, и ... Пока
Довольно /слава Богу, что не больше/.
А там, за крышей, - тоже облака,
А их не видно...

Господи, не болью ж

Всегда, как той злодейкой - алкаши!..
Она же тоже может притупиться,

И доконать, и кто-то - „согреши“
 Подскажет сердцу как первоубийце:
 В утиль её! В прохожего! В царя!
 В царя... В царя... О, магия последних,
 Случайных слов... Пропасть - так хоть не зря...
 /Но мысль - потом. И кара. И наследник.../
 В царя, в царя...

Но где ж его возьмёшь...

Перевелись достойные кинжала...
 А пачкать сталь чиновничьей возней,
 Лакейской кровью - лучше книгу жалоб...
 Нашли язык, чтоб смерть не оголять,
 Чтоб им не вешать нас, а нам - вериги:
 Одни плывут как пена в „жигулях“ -
 Другие пишут жалобные книги...
 Поэты с царедворцами: Ату -
 Ау... Совместный аут... Странно...
 Сближали кубки Цезарь и Катулл -
 И сталкивались мужество тирана
 Завидовать свободе соловья:
 Что не прикован к должности отцовой,
 Что может плакать или целовать
 Открыто - хоть на площади дворцовой,
 /“Гай“, - посвист ветра, - „гей!..“
 и сам шалел/

А тот в ответ не каялся - скандалил,
 И эпиграммой жалил, и жалел
 Диктатора в мальчишеских сандалях.
 Титаны пьют... Советники сопят
 И ждут развязки острого сюжета...
 Чем козни - казнь! И в этом враг - собрат.
 Политик, но какой размах! - поэта...
 Расшатан трон - зато надёжен стул.
 И внятна Смерть, как в юности когда-то.
 Но для себя искал её Катулл,
 А Цезарь...

Цезарь всё-таки диктатор..

Титаны пьют...

Вдвоём, на равных, без

Подобострастья или панибратства.
 Каприз тирана, слабость, интерес
 Понятен, если трезво разобраться:
 Любовь к любви - уже не плоть, но дух
 Республики и Юности...

Как близки! -

Сплелось, слилось, - нельзя одно из двух...
 Но можно всё и всех - под обелиски.
 Не экономить мрамора и слёз,
 Из пушки - фейерверком - по воронам!
 ...Как сушит горло пыль из-под колёс
 Истории за дерзким поворотом.

И что ты значишь, свой микрорайон,
 Когда страна - провинция Вселенной...
 Микрострадаем и микропоём
 Мы, выкресты двадцатого колена.
 Какая боль пронзит и прошибёт,
 Когда столетья вспрыснуты под кожу?
 Ветвь по глазам.

Заброшенный швербот.

И нерв зубной.

И силуэт похожий...

2.

Какая боль гнездится у виска,
 Бурит железным клювиком подкорку?
 Чего искать? Забытую подколку?
 Свободны завихренья завитка...
 Чего ещё, прожорливый птенец?
 /Как червячка заморишь и удава.../
 Ветвистых трещин каменных тенет
 От шаровой сердечного удара?
 Чего искать:

противувзглядный дом

Туристу не скучнее Эрмитажа,
 А Эрмитаж - поставь на место том -
 По истеченью близостного стажа
 /Восторга узнаванья, столбняка
 Открытия/ - заблудится в газонах...
 Екатерине - дай истопника,
 А космонавту - кубиков озонных.
 Столь очевиден этот механизм,
 Что грустно даже - тайны не осталось...
 Ну, затянись, ну, даже усмехнись -
 А ведь придёшь и свалишь на усталость...
 А кто тебя от бездны заслонил?
 Давно б нога скользнула по карнизу...
 Легко топиться в космосе чернил,
 Который светом истины пронизан,
 А ты попробуй в жизни...

Ты рискни

Без капельки надежды на спасенье.
 Икар ведь не пристёгивал ремни,
 Христос не уповал на воскресенье!
 Не так поймут?

Какая трын-трава...

/Как и сейчас, не больше - и не меньше./
 Что б ни плели - а смерть навек права,
 Урок, упрёк. Но - глухоонемевших...
 Переходи в легенду - путь открыт:
 Зажглась луна, зелёная до жути...
 ...Старухи остаются у корыт
 И больше со стихиями не шутят?

Не торопитесь...

Вертится она!

Что смерть - и жизнь её не погасила -

Есть и по эту сторону окна

Какая-то отчаянная сила.

Закрыв глаза на бездну виз а ви,

Предав слова огню, но не огласке,

Смотри, как ладят с ересью любви

Иезуитски пламенные ласки...

В католики?

В буколики?

В букет

Тех, праздных /ярко выражена серость.../

Под окнами?

За горечью - в буфет?

В буклет - за сладким?

Электрооседлость

На стуле -

как двуспальный паралич!

Ах, личность века - синенькая кура...

Ах, Синекура...

Что ж, Илья Ильич -

Не самая ничтожная фигура...

3.

В сафьяне - Фет.

На скатерти - графин.

На окнах - шторы.

На глазах - ресницы.

На всякий случай - дверь...

Себя, как финт,

Не выбросишь на чёрную страницу -

Споткнёшься, усмехнёшься и зевнёшь:

Лень-матушка...

/А батюшка - пропащий.../

Как проповедь спасительная ложь,

Ты исповеди грешника образчик.

Обрящет ли на паперти душа?-

На памяти?

Выскальзывает мрамор...

А милый рай в треухе шалаша -

Не Оклахома ль? - спрашивает Крамер

Через границу.

...Где она, Господь?

Для визитёров -

там же, где таможня.

Для постояльцев -

даже дух и плоть

Нерасторжимы на - „нельзя“ и „можно“,

Как горизонт - на „небо“ и „земля“...

Не существует осязью границы.

Экран и зал...

Петелька и петля...

И от своих страниц не отстраниться,
И от страны.

И тряпкой от окна.

Рукой - от солнца.

Дамбой - от меленья.

И где рубеж безоблачного сна
И переход в иные измерения?

4.

Сначала вышьем парк, английский.

Нет!

Легко чертить, смотреть - как на штангиста
в нормальном весе; не патологичен,
как, скажем, Дом Советов - слиток мышц,
подогнанность под статую, но - в сквере,
но - симметричен / бицепсов игру
угадывай, как рифмы графомана.../
как будто сердца - два; а для души
и вовсе нет простора - безвоздушна
стыковка мышц.

Посмеет ли язык
гармонией назвать элементарность...

Итак, сначала парк. По-итальянски.

В абсурдном стиле.

/Пусть газоновед,
за-носо-вод не говорит „во вкусе“ -
не в итальянском вкусе, а в своём,
как и в своём уме, и в стиле тоже -
свободный стиль заплыва в невесомость
ночную.../

Шелестел по-итальянски -
Осуществлён как вольный перевод.

Ажурный мостик. Навесная ива.

Беседка - для бесед без лишних слов,
а лишь необходимыми - такими,
как только те, что смысла лишены
житейского - исполнены иного.

Итак, беседка в духе рококо.

/“Ко-ко“ не надо - пусть несутся дальше.../

Капризен вкус любивших созерцать:
вегетарьянство взгляда есть естетство.

Беседка же - условный переплёт,
шкатулка из поющей целлюлозы,

Изящество Парижа и Шопена
в архитектуре с лёгким сквознячком...

Как будто всё...

Осталось - гладью пруд,

и крестиком - фамильное, на склоне...

А дом? Ах да, конечно, где же дом?
 Ну да, конечно, главное забыла,
 А, впрочем, разве главное не в том,
 что МИР и ДОМ, промотанные было,
 буквально равнозначны?

Запах мыла

В ромашках влажных, вспененных лицом, -
 как только в детстве

и перед концом...

А вон и рифма:

свистнула и взмыла...

1976.

Деревенский эскиз

Переливалось молоко...

О, как -

слепя -

переливалось!

До кружки было далеко,
 И в солнце всё перемывалось,
 Переливаясь;

таял пар,

И всё казалось:

всё моложе

Лукавый глиняный загар
 На шее амфоры молочной
 С жемчужной нитью молока,
 Смеясь оброненной -

ловите!

И кружку сжавшая рука
 Казалась нищенской для нити...

*

...такой сияющей, что взгляд -

И порвалась - не оторвется...

Так поцелуй рассветный для

Зимой, пока не отзовется

В груди;

так рифма, прозвенев,

Не обрывает связь с бумагой...

...И если истина -

в вине,

То перед этой первой влагой,
 Как детство, звонкой и парной,
 Затвердевавшей в белозубость,

Не даст ей мужа и прироста...
 ...Как ни юродствуй - не смешно.
 Заголосить по ней!

Напиться!

...На крыше в ржавчине ржаной
 Трепещет мокрая тряпица
 Так жалобно, уныло так -
 Как с увядающего древа...
 Как будто начали латать
 И бросили - до обогрева
 Лучами (благо - далеко
 И цвет от сущности оторван...)
 ...Переливалось молоко
 В отрыжку утром - рефлекторно,
 Как всё, что нас пьянит сперва.
 ...Потом, вздохнув, уходишь с Богом
 Не пить - но горько воспевать
 Переливающимся слогом...

1976.

Надпись на рукописи

Не останавливайся, сердце,
 Из клетки вырвавшись, - усердствуй,
 Стучись! /Не в двери - в пустоту.../
 ...Бежать по стёклам, звёздам, росам,
 Слезам... Но встать перед вопросом,
 Зачем бежишь - не вмоготу.

Аминь аллюру молодому -
 Стреножу Дух : Сезам - к содому,
 Земля уходит из-под ног...
 Чего ты ждешь? Какого браво?
 И только раз даётся право
 Пойти с улыбкой под веноч...

Вот старый друг сидит напротив
 На грустном полуобороте,
 Всегда готовый ко всему.
 Но и ему уже неясно,
 Зачем, нельзя сказать - напрасно,
 Но так, бессмысленно, во тьму...

Простит житейские задачи
 Вплоть до кирпичиков для дачи,
 Не говоря о мираже

Потусторонней горькой славы...
/Ну хоть какой-нибудь, хоть слабый,
Блик, призрак, аист на меже.../

Чудак, о чем ты в самом деле...
Так - девки замуж в самом теле,
Чтобы в тоске - не затаскать.
Какой там свет... Как здесь в подвале -
В России всей. И то едва ли.
Где выход в свет - из тупика?

Не греет слава - и не светит.
Свои слова напишут дети.
Душа? Сомнительный душок...
Всего реальней - кровью харкать
В стране, где каждая кухарка...
/Читай цитатник, петушок.../

Где за пирожником - сапожник
Учили петь. Где подорожник -
Каким-то чудом Пастернак...
/Где Гумилев? - Ну что ж, допустим...
Где ваш Маяк? - Ну что ж, опустим...
Где все, кто - поодаль и над?..

Несчастный случай... Частный случай...
Наука точная, не мучай
Гуманитарное чело:
Кому - петля, кому - баланда,
Но исключений и талантов
Выходит - равное число

В стране, где каторжная яма -
Статья о роли Мандельштама
/С какой-то биркой на ноге,
Смешней, чем в зощенковской „Бане“/
...Где музыка - не за гробами,
А в гроб, - заткнись, апологет! -

Какая Муза...Дохнет проза
В стране тотального склероза,
В какие оттепели верь,
Когда у ног струится Лета,
А первоклассного поэта
Как первоклассника - за дверь...

Что ж после стольких похорон-то?
Анабиоз Анакреонта -
Сплетённых трав апофеоз?
...Всегда найдётся способ выжить
Хоть из ума...Но память выжечь?

Китайской пыткой пророс

Вопрос, бамбук в живую мякоть:
Опять „достать чернил и плакать“?
Кассандра, губ твоих искать -
Россия? Мест - чураться - злачных -
Кров на крови...

Прощать невзрачных.
Мудрей, чем ненависть, - тоска.

Унылый друг во мгле кивает
И перспективная кривая
Перетекает в параллель:
Ну что ж, оглянемся без гнева...
/Да к то ж на близкое - без нерва,
Где каждый вздох - как по реле!/

Перебирая варианты,
Он предвкушает фолианты,
Где мир повёрнут невзначай
Торцом бутылочным Нью-Йорка...
Чудак, сверчку-своя каморка,
Где нам с тобой - остывший чай.

Зачем тому, кто, выбирая,
Как чёрт шарахнется от рая,
Блеск персональной легковой...
И вся тщета - билеты в кассе,
Чтоб в ресторанной ипостаси
Упитья скорбью вековой.

Чудак, что может быть дороже,
Чем наше время на дороги -
На беллетристику разлук...
/Так осуждать ли, строить дачи -
Тем кто беднее - и богаче,
А зодчим - просто недосуг./

Зачем? - Стреляют пули - в цели,
А свет, просачиваясь в щели, -
Не знает. Мрак не задаёт
Вопросов - и не отвечает.
Договоров не заключает.
В срок наступает, затаён.

Опять софистика. И строки
Всего лишь ловят рифму „сроки“
Хоть на смертельной глубине...
...Живя наощупь - как лунатик,
Бежит фатальности фанатик
В любой эпохе и стране.

Всего верней - себе на шею
И млечный путь, и ту траншею,
Где окопались как душа
Совсем безвыходные главы:
В кого стрелять? Все равно правы
На свете - ломанном - гроша...

Тебе, мой друг, прожить бы триста..
И те, что рвутся в террористы,
Срывая собственный запал, -
Увидишь: вот - лоснятся салом,..
Вот - снова - с бомбой к пьедисталам...
В кого? В историю попал...

Наивны подвиги во имя,
Дурак - завидую - воинствен:
Уверен в миссии своей;
Как синемблузники - под красным
От крови белых...

О прекрасном
Над всеми щёлкал соловей...

Земля - для ягодиц поката.
Топографическая карта,
Когда висишь на высоте.
Что стоят все её таланты...
Ночей египетских? Да ладно,
Пусть эти звякают, и те...

И что - /не спросишь/ - птичка значит?-
Природы не переиначит.
И кто хоть смертью опроверг
Законы старше полушарий,
Кому - погибнуть помешали?
Кому - рядиться в фейерверк?

Увы, тебе до этих мыслей...
Уж сколько осеней повисли,
Всё - в стенку лбом: тогда о ней
Синяк на память - и понятие.
...И вся земля, меняя платья
Эпох, - не сделалась умней.

Так что же спросишь с государства...
Философично благодарствуй:
В подвале - свет, в стакане - чай...
Какой иной внесёшь порядок?
Уж лучше лепетом тетрадок
И бредом - другу докучай.

Сравнит с другими по приметам,
 Смешает с грязью комплиментом:
 Не хуже, чем у большинства...
 Да будь и лучше всех на свете
 /А будет - все не заметят/,
 Что стоят лавры божества...

Увы, бессмысленно и это:
 Слова поэта...Смерть поэта...
 И слава - идол до волны,
 Что землю всю с землёй сравнивает,
 Вершины разума - с корнями
 Похерит в месиве войны.

...И смотришь в ночь, не видя ночи
 И света Божьего. Так очи
 Даны кому-то за глаза
 Слепые - всех, за все бойницы
 Лиц рушащихся, за глазницы,
 Которым в поле замерзать.

Аминь, - сказать хоть кто-то должен,
 Покуда жив, поскольку дожил,
 Хоть про себя сказать - „Аминь“...
 ...Пусть мутит воду тот, кто верит,
 Тоской захлёбываясь, - в берег -
 И разбивается о мир.

Пусть раскалённой этой лавы
 Узнает вкус, кто жаждет славы -
 Скажу себе в который раз,...
 Так - неминуемостью смерти
 Жизнь от рождения измерьте -
 Зачем?..

Бог знает... Не сейчас...

Зачем? - Ну вот уже и другу,
 С душой, и на душу не тугу, -
 Зачем?..

Не лучше ль почему -
 Спросить себя - других тревожит,
 Что кто-то может в свет - и может
 Вот так, бессмысленно, во тьму! -
 И ловят хоть далёкий лучик...
 А я ловлю - да чем ты лучше
 Других - не заданный вопрос
 /В столь неосознанной досаде,
 Что и её-то, лестной, ради
 И то - не стоит наизнос/

И мне ль не знать, что этим только,

И кисло-сладкой правды долька
Щекочет привкусом стыда
И ожиданья... - за щеколдой
Сияет ёлка

...За щекою
Лежи - до Страшного Суда.

Увы, и этого блаженства
Мы лишены, как совершенства
Произведенья ремесла:
Мир непродуман. Пусто небо.
Но утверждать, что Бога нету
Нельзя - земля не доросла.

Не грех побаиваться кары..
Пусть не отважатся в Икары,
Но постесняются украсть.
Бубните свой моральный кодекс!
Молитесь живописи! - Бог даст,
Не сгубит пагубная страсть.

Не оттого ль в подвале русском
Всё ж брезжит свет, и в свете узком
Стремится к высшему - Душа;
Хоть не пресытятся бардаками,
Несведущ, а не твердокамен:
Лес этажей - да США...

Какие мелкие проблемы...
Какие длинные поэмы...
/Лови на слове, рецензент/
...Зима. Россия. Бледный профиль.
Тоска... /Растлить, чтоб серость пропил?-
Так что - за святость лицезреть?/

Хандра дремучая. Эпоха
Упадка духа. Ёмкость вдоха
Млекопитающихся. Ох...
Планета дутого значенья,
Планида горькая...
Зачем я...
От всех бы - морщилась - эпох.

Зачем тому, кто знает цену
Всему, - карабкаться на сцену,
Себе - спускаться как в забой
В глухую ночь: бездонна шахта,
Пластов смыкающихся „ах ты“ -
Верх любования собой...

Довольный друг светлеет в оба:

Хоть в том корысть...

А ты попробуй

Такую выбери корысть:

Дышать в пространстве безвоздушном,
В самоубийстве, ставшем скушным,
Подушку вечности изгрызть.

Зачем всю жизнь жалеть о жизни,
Её цене - и дешевизне,
Что умиравшим дорога
Вдвойне - и тем вдвойне презренна.
Избави, смерть! - Катись, арена,
Где с дураками в дурака!

Где старый друг сидит напротив
На грустном полуобороте,
И удержишься не нагрубив
На суть вопросов... /Несть числа им/
...Да разве может быть тщеславен
Тот, кто всерьёз честолюбив!

Без дураков: на жизнь, а насмерть,
Влача инфаркт, врачуя насморк,
Не веря в собственную боль.
И - центробежный эгоцентрик,
Сломавший ролики эксцентрик,
Хромай - в трагическую роль...

Довольный друг холодным чаем
Согрет. Ни в чём не уличаем,
Не совершивший - ничего...
И тем - смущён. И скрепку вертит...
И подарить ему бессмертье
Мне всё равно что вечерок...

Ну что ж, поверим с эту ересь,
Ослепнем вглубь - заглянем через
Десятилетия /резвый взгляд/
Тебе зачем? - Ты трезво скромн.
А мне зачем? - Коль ящик скроен,
В нём не поют и не болят.

Последний друг посмотрит косо -
Зачем? - Хотя бы от вопросов,
Как страус, голову сломя!
Ведь и самой уже неясно
Зачем, нельзя сказать - напрасно,
Всё мелешь крыльями двумя

Простор и пыль: земле - земное.
Остановлюсь - ещё заную,

Огрызки яблок прячут в потных пальцах
 И только ждут, чтоб выключили свет...
 И наблюдают света представленье,
 Зачем-то всё бинокли наводя
 На ветхий, пыльный, на небесный бархат,
 Что весь изъеден молью самолётов.
 Как будто ждут оптический обман,
 Как будто в силах оптики приблизить
 Предметов кроме, действия предметов...
 Бездействия спектакль. Театр абсурда.
 Две маски золотых - на голубом -
 Поочерёдно западают в складки:
 Сменяется лимонная гримаса
 Селены (удлинённая луна)
 Утрированной солнечной улыбкой...
 Идёт "XX век". Пока аншлаг.
 И у барьера дремлет гардеробщик...
 Он за своей китайскою стеной,
 Пока ещё не сожжены подмости,
 Хотя мосты уже разведены...
 И боль свела суставы...

 Это осень...

И ревматизмом скрюченные ветви
 Постанывают слабо на ветру,
 Готовы нотным станом распрямиться
 И ради птички, даже воробья,
 Когда бы знать, что обостренье боли
 И вызвано, и вызволено как бы
 Подкорочным предчувствием весны...
 Где научиться чтению между веток?
 Лишь между веток, а не между прочим.
 Но древо родословное, увы,
 Надломлено.

 Оторванные листья

Упрямо засыхают завитками
 И общество защитников природы
 Их стряхивает в мусоропровод.
 Труха и мусор листьев и листов.
 Безлиственность

 Безликость.

 Беспогодье.

Беспочвенность всего и всех -

 на почве -

Броня и бронь удобного асфальта
 И перебранки крошечные птиц.
 И лишь бессонниц рост на нервной почве
 Напоминает о корнях, вернее,
 О корешках...-

 Как руку инвалиду

Свободный на три четверти рукав...

...Чем завершится третья четверть века?

...Чему-нибудь ты научился, век,
 С весёлым хрустом вытянувший руку,
 Готовясь повторить простой абзац
 Параграфа, усвоенного всеми,
 И молча простоявший у доски
 Мемориальной...

Но, стыда не помня,
 Задиристо подбросивший ракету
 Над побелевшим шариком земным?..
 ...Голы, очки.

Пинг-понговая звонкость
 Лысеющих голов и городов.
 Мячи и рыбы плюхаются в сети,
 Блеск шелухи на торсах и витринах
 И пустота внутри -

хоть покати
 Шаром бильярдным.
 Только лузы - блузы...

Силоновые сети пропаганды :
 Густая паутина - на мальков -
 Из новых сил...

В слабеющей сетчатке
 Не держатся пейзажи, выпадают
 Картины, книги.

В раковинах шум
 Не моря в перламутровой оправе,
 А стадиона:

"Бейте эти тех,
 А те лупите этих!"

Все болеют...
 А счёт пока 0:0, и слава Богу,
 Горят по обе стороны табло
 Луна и солнце.

Мир в игре...
 Защитник!
 Сеть параллелей и меридианов
 Не выдержит когда-нибудь...

Штрафной!
 ...Вся наша жизнь - бездонная штрафная
 За опоздание в этот мир на двадцать
 Мгновений, именуемых веками,
 Ещё точнее - просто за приход.
 Последний тайм.

Последний акт.
 Последний
 В тумане дней едва заметный мостик
 Меж сердцем и душой...

Поставлен крест
 На те кресты, которые, как плюсы,
 Соединяли жителей земли
 С корнями их подземными, и как бы

Суммировали опыт жизни до
 XX-го крестового похода.
 Ты два креста несёшь, XX век.
 Изящество и блеск твоих доспехов
 Не прикрывают, а, наоборот,
 Очерчивают шаг средневековья...
 Шаг, под которым рушатся мосты.
 ...Но строятся дома.

Не так-то просто
 Построить дом из кубиков бетона.
 Поставить синтетическую елку,
 А на иголку - чёрную пластинку:
 "Завод мелодий. Птичьи голоса".
 У человека - новые игрушки,
 И смех его, счастливый, инфантильный,
 Летит вдогонку спутнику,

и часто
 За ним не слышен хруст и треск мостов.
 У человека - средний детский возраст
 И в затемнённых уголках планеты -
 Слезоточивый дым - подростки курят...
 В парадных залах пьянствуют подростки
 В мундирах президентских..

А внизу
 Писатели портфелями дерутся
 И в классики играют на панели...
 А в классе тянут руки к облакам,
 (Да потолки-то нынче низковаты...)
 Решая, как всегда, единогласно,
 Кого бы им списать с земного шара:
 В искусственные спутники земли...
 ...Судьба искусства, ты в руках людей.
 Нам далеко до совершеннолетия...
 И столько в нас намешано всего,
 И бродит смесью вин,

что неизвестно,
 Какое крепче; Доброе ли? Злое?
 В подростке трудном - труженике вечном,
 Забытом всеми отпрыске Земли
 И века по фамилии Двадцатый...
 Несёт он двух крестов тяжёлый крест.
 А вдруг они всего лишь след вороний
 На белоснежной утренней бумаге
 В густых лесах строительства...

А над ней
 В тумане солнце брезжит и сквозит,
 И сила есть в мускулатуре почек,
 Хотя плывёт безвольно по теченью
 Опавший чёрный лист календаря...

На перекрёстке всех веков и ветров
Стоит душа в пальто демисезонном,
Бледна,
 в чём только держится душа!

1974.

Стансы в октябре

/ Ленинград - Рига - Ленинград /

1.

Черепки листопада.
Деловитый вагончик.
Твои песни, Эллада,
Обменять на талончик
Популярный? И рада,
Но, к несчастью, не дура.
...Прибалтийской прохлады
Просит макулатура.

2.

Не куда уезжают -
Уезжают откуда:
От немоты зажатой
И словесного зуда;
Там, где все незнакомо,
Чужестранкой - не чудо.
Одиночество дома -
Как на юге простуда.

3.

Не соборная книга,
Не музей - посетили...
Ни жаргонного крика,
Ни ларька, ни окурка;
Будто равновелика
Всем скорбям Петербурга.

4.

Инструмент органиста -
Мостовые бессонниц.

Как душа органично
 Входит в жолобы звонниц
 И в готический пафос
 С парадоксом поклонниц:
 Распрямясь, как парус,
 Что белее покойниц.

5.

Их осталось немного:
 Как грехи - отпустили
 В мир иной...

Синагога.

По синайскому стилю -
 Новый год. Вместо бога
 Служит стереоящик.
 Водопой носорогов -
 Прикашись - настоящим...

6.

Как пергаментны листья
 На кладбищенских плитах -
 Умудренные лица
 Послезавтра убитых.
 Но пока - шевелиться,
 Дунет ветер - и в танцы.
 И дыхание продлится
 На осенние стансы.

7.

Этот юноша сонный,
 Приподнявшийся к свету...
 Прах крошечный. А солнце
 Только снилось поэту.
 Восходило под кожей -
 Розовела, согрета.
 Райнис... Рай... Непохоже.
 Но - гармония эта...

8.

Яркость „Детского мира“
 Затмевает продажу,
 Перевернутой лирой
 Касса кажется даже.
 В том и суть сувенира -
 Извлечение сути

Но, слава Богу, всё-таки дышу
Тобой, с тобой, в тебя...

В стеклянной свечке
Оранжевеет скобка. Наш огонь
Оставим в скобках... Скроем абажуром.
Война и мир. Кентавр. Лаокоон.
И при чужих безумствах подежурим,
И при своих наличных проживём.
...Да что же получается опять,
Верней, не получается, любимый!
Скажи, какой протест неистребимый
Мне руки выворачивает вспять,
А строки вслед - немыслимый подтекст...

И почему так медленно и грустно
Выходит на бумагу всё, что устно -
Так празднично?

(Как проводы невест:
Свались с луны - склонишься невпопад
Не с поздравленьем - в соболезнаванье
К рукам остолбеневших на диване
Родителей Офелии...)

Обряд
Наскучил? (Счётчик Фрейда, упаси!)
Дотронься лишь - и молнии вдоль тела.
Античный тир... Да я б к тебе летела,
Когда б не он, а ты - на небеси...

Как примирить мне вас, вернее, как
Поссорить, разлучить, чтоб различала,
Свести концы с концами, нет, начала:
Крыло и руку - дважды свет и мрак?
Двойная щедрость скаредной судьбы,
Где что любовь - страстишка пригодится...
Комплект любви, гармония кондиций...
Благодарить бы, а не на дыбы, -
Как за конструктор - детство:

чертежи,
Космически блестящие детали...
Надменное изящество в металле
Люблю - полюбоваться.

Но скажи,
Как трепет созерцанья совместить
С вторжением отвёртки? И в поэме,
Живой, как жизнь, смонтировать по схеме
Два образа мятущихся? Сместить
Крыло и руку, чтобы расчленишь
В тот звёздный час, когда мосты разводят...
И две любви - две полных чаши бродят.
И не свести в невидимую нить,
Как не взойти созвездию Весов

Моим охранным знаком зодиака...

...Затих у ног лохматый забияка -
 Счастливчик, не терзающий висок
 Раздумьем о природе колбасы,
 Поскольку через голову как через
 Начальство - ухо переходит в челюсть
 Так совершенно, будто для красы.
 Спи, сукин сын. Мой пёсик. Мой психей...
 (Комфорт ковра и поза эмбриона.)
 Да не стрясётся гром во время оно
 Ни за окном, ни в кухне, ни в стихе.
 Мир дому нашему. И миру - не содом.
 И сон собачке (непокобелимый)...
 И Бог с пером...

Но я же не о том
 Тебя спросить надеялась, любимый,
 Верней, сказать хотела.

Рассвело...
 Хоть вон из тела - мира не нарушу!

Скажи, зачем же тело лезет в душу?
 Одной души касается крыло!

Вдвойне любимый: любящий, ответь
 Губами, выпивающими губы
 До пустоты, до солнечного куба...
 ...Приблизиться...

Отпрянуть...
 Замереть...
 Передышать в сторонке, как в гостях
 Как на гвоздях...

Раскрыл твоих объятий -
 И тени рук его...
 О, скрест распятий!
 О, мельница!
 О, снег на лопастях!..

1977

ДЕСЯТЬ ВОСЬМИСТИШИЙ

1.
 Не спрашивай, над кем заламывала строки,
 Губами согревай безжизненные руки.
 Безадресной тоски безвременные сроки

Должно быть, приговор Всевышнего от скуки.
Ты спрятал огонек от возгласов и ветра -
Мудрее хитрецов слепое обожанье.
Ну вот и дождалась любовь твоя и вера
Как слёз и орден, и гимнов каторжане.

2.

Пусть нас покачает на волне
Медленной (шампанское - на верхней...)
Чувство справедливости во мне
Прочих долговечнее, наверно.
Вот уже, казалось бы, на спад
Сердца сумашедшая кривая...
... Плечи нарастают и слепят,
Всплеск - и с головою накрывая...

3.

Мы никуда не уплывём.
Темнит вода в щелях сарая.
И стонет палуба сырая
По той стихии, где вдвоём
С другим, которому на вид
Шальное море по колено...
Утешь! Но вырваться из плена
Напрасно сердце норовит.

4.

Ты сегодня спасаешь мне жизнь
И не чувствуешь этого даже.
Укрываешь виновного в краже...
Откажись от меня, откажись!
Я, наверно, совсем пропаду,
Согреваясь в ограбленном доме,
Оправдавшись, что воздуха кроме
Ничего не имела в виду...

5.

Не воспевай. Я этого не стою,
Хотя не меньше нимфочки любой.
Не разрушай семейные устои,
Качай дитя по имени Любовь.
Ты - постоянство, а моя погода
Опять штормит и дёргает как нерв.
Я не краду предметов обихода.
А новый муж - как новый шифонер.

6.

Неужели ты не понял,
Кто раскачивает душу?
Кто - тобой - меня на сушу
Выволакивает... Вспомнил?

Я тебя не долепила:
Стало совестно, а может
Просто легче. Что-то гложет...
Снова - ведьмовская сила?

7.
Откровенной халтуры
Не люблю и греша...
Веер клавиатуры -
Человечья душа...
В тишине, без хорала,
Для тебя и себя
Ну, конечно, сыграла.
Но, конечно, любя...

8.
Ты спас меня, а мне тебя - терять.
Мне всё терять, единственного ради:
Увы, не только истины в тетради -
Того, кто поддиктовывал тетрадь...
Прсти его. Упрямец и гордец.
Скала среди неровностей плешивых.
Многостаночник влюбчивых сердец
И однолюб, не терпящий фальшивок.

9.
Мы с кем-то кого-то друг другу дарили -
Как золотом пробы пониже сорили
(Издержки в нелегком пути).
А может, чтоб сердце от жалости сжало,
Мы то, что заслуженно принадлежало,
Пытаемся проподнести?
Довольно, любимый! Мы их отбирали -
Даря и гоняя по нашей спирали,
Но щедро платили собой.
Толкали на подлость. Толкали на подвиг.
Но всё-таки жизни смыкаются по две,
Сумевшие выдержать бой.

10.
Душа лесиста, жизнь - мясиста.
Чужие запахи ловлю...
Но даже в плоскости марксизма
Первоисточники люблю.
А мы - вселенские сиротства
Друг другу жилы - до желе...
Как будто не с кем нам бороться
На этой яростной Земле...

И отвернуться, чтобы не вломиться.
 И отдышаться, стоя в стороне -
 Взлом не достоин страсти ювелира.
 Звучи другим, разбуженная лира,
 Уже сама,
 без пальцев на струне...

...А самому-то, Господи, куда?
 Упразднены бордели и цыганки...
 В толпу без лиц?
 В поэзию труда?
 В бумагу лишь?
 В плебейские „полбанки“?
 И всё равно, кого ни виновать,
 Не миновать превратностей призванья:
 Свои надежды замуж выдавать,
 Широким жестом жаловать кровать,
 И, стиснув зубы, сжаться на диване...
 Преуспевайте все ученики,
 Как на дрожжах, плывите ученицы
 На дрожи той...
 Взглянуть из-под руки -
 И к подзаборной птичке наклониться...
 Над брошенными зёрнышками пир,
 Продлится до пресыщения кормильца!
 Но если был когда-нибудь Шекспир,
 То зря навзрыд жалел однофамильца:
 /Дух перевесть.../
 Всех невских лир король,
 О, как я Вас не к прошлому ревную,
 Не к той, что рядом. - Завтрашнюю боль
 Справляю, как вчерашнюю вину я:
 Сейчас поздравлю. - /Вдруг не доживу.../
 Вам 90 будет, ей - 15...
 Дитя акселерации в траву
 Затащит Вас...
 Завидую, признаться.
 Ей, только ей -
 Ни жёнам, ни жене -
 /“Вот если бы тебя родили снова“.../
 Наоборот. Родиться б снова мне
 Для посвященья в тёмный корень слова,
 Для счастья быть разбуженной
 такой
 Худой, набухшей музыкой и кровью,
 Неотвратимо бережной рукой -
 Как первый луч, скользящий к изголовью...

.....
 Мы засиделись в детстве дотемна.
 Унылы гаммы азбучной машинки.
 Тысячелетних истин глубина -
 Пристанище лягушки и кувшинки,
 Щи кислые -
 как привкус наших дней,
 Среди кастрюль играющих в горелки...
 Мельчает жизнь.

 Но в полночи над ней -
 Совпавших тел сияющие стрелки...

.....
 И колонок, оторванный от белки,
 Всё рыщет ёлку
 в химии огней...

...Ещё чуть-чуть - поверю в мир иной,
 Не в миф, а в сказку бледно-голубую,
 В лазейку эту, первую, любую...
 /Безумствам всем - беспомощность виной/
 Ну как же так...

 Ну пусть хотя бы так:
 Как с тенью - тень, с растением - растение,
 Сольются строки в солнечном сплетеньи
 До боли были...

 Навзничь - и во мрак...
 Как хорошо, что выключили свет -
 Почти на том...

 На обморок похоже.
 Не видно лиц.
 И рвётся вон из кожи
 Душа, которой - выдумали - нет.
 Как жаль, что ночи наши коротки.
 Как пахнет кофе - горький сгусток ночи...
 И как щемит:

 ещё, вдвойне короче
 И ночь его, и линия руки...

.....
 Что происходит в лунной полутьме?
 Предтеча мёда - рук пчелиный танец?
 При всём своём таланте и уме
 Она ещё дитя, неандерталец
 Душой неловкой - там, под янтарём
 Прозрачной кожи солнечной шлифовки
 / Пришельца - в щёку - как под фонарём.../,
 И не поймёт отчаянной шифровки,
 И слава Богу, если не поймёт
 Своей крестовой миссии /О, гонор.../:
 Переливанье юности - не мёд,
 Здесь неотложкой пахнет...
 Руку, донор!

На дружбу - мне,
И на руку - ему:
На счастье.

На спасенье.

На здоровье.

И да сойдутся ваши группы крови
Как наши грусти,
судя по всему...

.....
Но почему

Мне втрое понимать!

За что слова как трицепсы упруги? -

Так велики грехи или заслуги,

Что не дано как прочих обнимать

Кого - люблю,

Кому - огонь стерплю.

Тогда сквозь дым и вижу поражение:

Немилосердно внутреннее жженье,

Не обогрею - лишь испепелю

Себя - в стихи,

Стихи - ещё в себе...

Жизнь - искривленье выростом из детства:

Стемянка в подвиг,

зов стихийных бедствий,

Где А и Б, и кошка на трубе -

Ушат воды,

послушный дым - в трубу...

Не так уж трудно с пламенем справляться:

Не окрыляться - и не опаляться,

И опылять цветущую судьбу.

Вильнёт хвостом комета на стекле:

Ещё не ливень - дождь на суп с грибами...

Да не обжечь бы издали губами

Его руки, застывшей на столе...

.....
Как виртуозны руки при луне...

Не оттого ль, что действия простые

Обрамлены сиянием извне

И тем, во мне -

две лунные пустыни

Скрестили свет...

Колышется рука...

Мотив

строки,

паря,

живописует...

Сжимает рюмку

/в блеске родника - круженье птицы.../

Жгут воротника...

Застёгивает пуговку.

Тасует:

Какой пасьянс:

Две дамы - и один
Король крестовый...

Побоку - валеты:

Поэты,

и атлеты,

и дуплеты,

О, как слетают ваши эполеты,

А следом наши головы...

Едим.

Закусывает речи короля,

И так прозрачны принца мемуары,

Как пуст сосуд...

Запутаться в муары:

Ах, не на бал -

так за борт корабля!..

Качает, но

Уже смелее роль...

Втирая соль, ещё покаламбурю,

Пересолю, оттягивая бурю -

Боится голой истины король...

О, как бы он хотел остаться в маске

И скинуть всё...

О, как издалека

Увечные мучительные ласки

Строкой, где не дотянется рука,

Светясь из ночи как из под земли

Всё в том же круге медленном и лунном...

...Как беззащиты короли

Перед лицом насмешливым и юным

Своей судьбы и памяти...

В тени

На всех - один...

Столетие скупое?

Свобода рая?

Логика запоя:

до лужи ближе, чем до простыни?

И не такое списывает ночь...

Но хочет, чтоб в глазах его двоилось

Как будто пьян?

Окажем эту милость.

/Кому, ему?!/

Попробуем помочь

/Ему ли? Ох.../

Над бездной - только шаг

До... до чего?

Последняя отвага...

...О, как он трезв!

Но молод,

зол

и наг

Для вашего сиятельства,
бумага!

.....
Луна в окне,
И тени на стене...
Обои - как распластанные тигры.
Миролюбивы тигры при луне,
Но жарко дышат вкрадчивые игры...

.....
Остановись, мгновение, - пора:
Телесен свет ночных аудиенций...
Идёт по трём сценариям игра,
И первый - совращение младенца.
Ох, не она, а но пред ней - дитя...
Очками - в прятки, пальцами - в пятнашки...
Остановись,
Ему нельзя шутя!
/Кто примет смерть - не вытерпит нанашки/
Как скучно жить: всё зная наперёд:
Предвиденьем...

Предчувствием...

Предплачем...

Ах, этот кроткий полуоборот,
А на губах усмешкой обозначен
Исход игры:

„держитесь, мэтр - отсель
Бессонной голографии начало...
Отнюдь не все бесформенный кисель,
Что бьётся в доски вашего причала!“
Нет, не затейник - младший компаньон...

Остановись,
достаточно,
слезаем!

Повержен Сам.

Подвержен.

Полонён

В щекотных играх, смоченных слезами.
Так, презиравший зайчика, удав
Запутан в узел гордиев - не гордый.
...И содрогнётся сердце, угадав
В прелюдии -
последние аккорды.../

.....
Всё уже золотая полоса,
А приглядеться - всё же восковая...
Вот-вот напротив грянет войсковая:
Шаги...

Затворы...

Миски...

Голоса...

День предрешён и Господом храним;

И всё, что будет - кажется, что было:
 ...Она его за муки полюбила,
 А он её за сострадание к ним
 Растопчет, - заподозрив не любовь,
 А дружбы унижительную жалость.
 И в чём-то прав...
 Подвыпившая шалость -
 Когда добро пожаловать любой?
 ...По трём волнам петляют поппури.
 И что-то в них останется загадкой.
 Но тщетно ждать ухмылкой и украдкой:
 „Ну, подеритесь, чёрт вас подери...“
 Презренный бокс...

Фехтующие остры

Надменные уколы благородства.
 Мне только так:
 Брататься и бороться,
 Не нарушая правила игры.

.....

Я Вас люблю банально как в романе,
 Но зная, что июли - к холодам,
 И рассуждая, есть ли жизнь на Марсе,
 Любой и всем безропотно отдам
 Так светел взгляд, когда по ней скользит он,
 Что дай-то Бог...
 Но чувствую: не даст
 Ни Вам - земным утешиться визитом,
 Ни мне - сверкнув зубной рекламой паст,
 Сдержаться от рассверленного стога,
 Ни ей - не уколоться о жнивье...
 Светает...
 И за форточкой просторной
 Как за табличкой
 „Каждому - своё“ ...

.....

О, как мы стоим всё-таки друг друга,
 Триумф ли, тризна - сей триумвират...
 И в знак того, что всем придётся туго,
 Кошачий, в хищный искорках, карат
 Ещё мерцает в дымчатом тумане:
 Резвитесь, мышки - время пролетит,
 И вы уже в романе - как в кармане,
 Мне ваши игры дразнят аппетит...
 ...Ох, не для нас налитый солнцем колос!
 Трамваем первым звякнет западня
 И запищим -
 Кому он ставил голос
 В глухом углу безвыходного дня.
 А мы - ему. Нахальная затея.
 Но как сошлось: и вспомнить не могу
 Сценарий наш...

...Ах, какая густеет гроза:
Грянут гроздь салютом
и комом последним с лопаты.

.....
Ну, что ещё?..

Ну, что ещё...
В стеклянный воздух биться грудью? -
Сейчас не будет горячо,
Но завтра холодно не будет!
Я всё пойму.

И всё смогу.
И всё забуду, если надо.
И буду в сдавленном кругу
Противоядием от яда.
Но губы, сжатые в черту,
Не переступит зов медсестрий -
От странной горечи во рту,
Её раздвоенности острой...

1977.

А В Т О Г Р А Ф

ОЛЬГА БЕШЕНКОВСКАЯ: ИЗ ИСТОРИИ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

От автора.

Это стихотворение, вернее, внутренне сцепленный цикл, названный по месту написания „Стихи в поезде“, родился в тамбуре экспресса „Ленинград-Москва“ в далёком 1976 году, в глухое к горьким словам и душевной боли время. Однажды был прочитан на поэтическом вечере в Доме писателя и самое странное, что на сей раз автора не обвинили в антисоветчине, очевидно, купившись „модной“ тогда „народной“ темой, и даже предложили отдать текст для ежегодного сборника „День поэзии“. Но... никогда не следует спешить радоваться... Лишь спустя три года появились эти стихи в обещанном сборнике, и при том в каком виде: два отрывка, из которых было убрано всё, кроме картинки природы, то есть, по существу, вообще всё... Даже строчки „Валидол или дрянь из горла хороши от российских ландшафтов“ были вычеркнуты, так как советская природа должна была призывать к радости и оптимизму... Такая публикация поэта могла только скомпроментировать... Наконец, уже в 1995 году журнал „Нева“, в редколлегию которого входил и один из тогдатозных членов редколлегии „Дня поэзии“, предложил опубликовать стихотворение полностью. Опубликовали. Но теперь из него вылетел кусок, повествующий о приходе немцев во время войны в русскую деревню... Вылетел случайно, по небрежности, но даже того, что осталось, хватило для упрека нескольких „бдительных“ читателей: ну да, мол, автор теперь живёт в Германии, и преуменьшает значение Великой Отечественной... (Увы, под стихотворением забыли проставить дату написания.) А дело всё в том, что философская

поэзия всегда находится как бы над временем, и поэтому чаще всего приходится, как говорится, не ко времени...

Здесь „Стихи в поезде“ впервые публикуются полностью, и, возможно, они так и не потеряли своей актуальности...

СТИХИ В ПОЕЗДЕ

1

Только белые пятна апрельского снега
 Да берёзы, берёзы - по пояс в воде...
 Ну какого, Россия, тебе печенег -
 Ты сама же в своей захлебнёшься беде...
 Даже хочется плакать, как Родину жалко,
 Как ей хочется с первой полочки купить
 Простоватую тёплую ширь полушалка,
 Где промеж васильков - золотистая нить...
 Не ржаное, а ржавое нищее поле,
 Всё морщинки да трещинки - вдовья рука...
 Божья воля на то или русская доля,
 Чтобы веной больной набухала река?
 Так банальна тоска, что, о, господи Боже,
 Лбом - в граненый мираж, и сграбастать виски...
 С каждым веком и вздохом всё кажется больше
 Несказанной, неслыханной этой тоски...
 Эти горечь и стыд, и беспомощность эта,
 И шершаво на совести - как нечиста...
 И как будто ещё не случилось поэта -
 От испуга и подвига медлят уста...

2

Стыдно признаться, - стихами обидела
 Родину, дальше которой не видела
 В сизом прогорклом дыму...
 Видела: квохчут пузатые голуби,
 А журавли - словно ангелы голые -
 С кончика кисти - во тьму...
 Родина! Нас разлучили инстанции:
 Стены бетонные, лезвия-станции,
 Господи, это же ты...
 Это жилище ли? Отсвет пожарища?
 Остановите окошко! Пожалуйста!
 Избы... Деревья... Кресты...

3

Что пустыми словами сорить
 С высоты Вавилона и века...
 Эти ветхие кровли корить
 Не посмеет и пьяный калека.
 Здесь у каждого что-то болит:
 Жмутся в тамбурном дымном соседстве,

Потирая протез, инвалид
 И художник, массируя сердце...
 Что ж, такая, как видно, судьба, -
 Прячу взгляд пристыженного вора:
 Глушь и святость... Слепая изба
 Под защитой хромого забора...
 И мелькают (была - не была?..)
 Горб и ведра... Понурия, - лошадка...
 Валидол или дрянь из горла
 Хороши от российских ландшафтов...

3

„Калининские мы - соседка говорит -
 Отец наш немцев ждал - чай, наведут порядок...
 Явились... Наш-то фриц - крест, как в церквах, горит...
 И конь - что наша печь, а не ушами прядать...
 Нас, восьмеро сестёр, не тронул ни одной,
 Зато ему, видать, пондравилась корова, -
 Как хватит за рога... А батя был хмельной:
 - Грабители! - Кричит - катитесь поздорову!
 А немец автомат наставил - ну и ну -
 Как есть, ему в живот. А мы - реветь как стадо...
 И как мы - говорит - отбились в ту войну?-
 Ей-Богу, не пойму... А Вы - из Ленинграда?“ ..

5

О, сколько можно об одном, и без вины и при вине,
 И, подогретая вином, неужто истина - в войне?
 О чём вы, Господи, о чём,
 Друг друга чувствуя плечом,
 Как будто не было Эллады,
 Потопа, ига, наконец...
 Где мать? - Расспросят - где отец?
 Какие раны и награды?..
 И даже я (на что уж я...),
 А всё же - школа и семья -
 Горжусь, что я из Ленинграда...

Ах, самозванцы... Для земли
 Мы все равны, как перед Ликом...
 И что с того, что нарекли
 Свое Отечество - великим...
 Иконы выдрали из сот,
 Свои портреты вставив в ниши,
 И шестилетний эпизод
 Внесли истории превыше...

В Росиии любят вспоминать.
 И проклиная - вспоминают,
 И вспоминая - поминают
 Свою, изысканную, мать...

Не оттого ль, что с той весны
(Чей дальше - кажется, что ближе...)
России верные сыны
Могли увидеть только сны,
А не Берлины и Парижи...
А кто-то пьяной хрипотцой
„Хотят ли русские...“ заводит,
И не найти его лицо
В темно сомкнувшемся народе...

1976

Стансы в октябре

/ Ленинград - Рига - Ленинград /

1.

Черепки листопада.
Деловитый вагончик.
Твои песни, Эллада,
Обменять на талончик
Популярный? И рада,
Но, к несчастью, не дура.
...Прибалтийской прохлады
Просит мускулатура.

2.

Не куда уезжают -
Уезжают откуда:
От немоты зажатой
И словесного зуда;
Там, где всё незнакомо,
Чужестранкой - не чудо.
Одиночество дома -
Как на юге простуда.

3.

Не соборная книга,
Не музей - посетили...
Неприступная Рига -
Тучи в башенном стиле.

8.

Яркость „Детского мира“
Затмевает продажу,
Перевернутой лирой
Касса кажется даже.
В том и суть сувенира -
Извлечение сути
Из реального мира,
Но - как дети рисуют...

9.

Осень. Жимолость. Жалость
И к себе и к природе.
Сердце дрогнуло, сжалось -
Видно, дело в погоде.
Расшалилось, но шалость...
И когда научусь я
Все, что в грусти смешалось,
Отличать от предчувствий...

10.

Сквозь дожди проплывают
Поезда как паромы,
По утрам прибывают
На пустые перроны.
Здесь, конечно, бывают
Руки за плечи - встречи,
Но о них забывают,
Передёрнувшись, плечи.

11.

Ты прости, что не рада,
Что смотрю - и не вижу.
Позолот Ленинграда
Лист померкший превыше.
Что мне город парада -
Праздник провинциала;
Не смотри так, не надо...
Линий венецианство.

12.

На Васильевском ливень,
Но какой-то щемящий.
Это мокрые сливы
Или взгляды щенячьи?
Позабывшая сына,
Постигаю как нянчу
Этот невыносимый
Остров светлого плача.

13.

Не пора ли, однако,
Примириться с погодой
Как заморыш - собака
С бесприютной породой:
Вихрем в случку и драку,
Разогреться, а там и ...
...Не пора ль Пастернаку
Изменить с Мандельштамом?

14.

Перелистывать книги
И не видеть ни строчки,
Только пятна и блики,
Закорючки и точки...
Тяжелей, чем вериги,
Крылья в гипсе. Довольно.
Впрочем, риск невеликий:
Мёртвым падать не больно.

15.

На исходе и суток,
И терпенья, и пенья
Возвратится рассудок
И проступят ступени.
Навсегда не до шуток,
Если раз отравиться.
Спуск спокоен и жуток.
Тень крыла - атавизмом.

16.

В жизни странно светило:

То черно, то - созвездья.
Втрое счастья хватила -
На троих и возмездья.
Не летят в одиночку
Похоронные вести.
С кем последнюю ночьку
Коллективной невесте?

17.

Над тетрадами горбься -
Не по снегу босая.
Может, в том-то и горечь,
Что никто не бросает.
Времена ли такие,
Что мы сами с усами,
Что решительным кием -
По шарам с волосами...

18.

Ни щенка, ни телёнка,
Всё бетон да пластмасса.
Облупилась клеёнка
В трафаретах фламандских.
Посмотреть удивлённо:
Как нетрудно сломаться
Вам, любившим влюблённо
Красоваться в романсах...

19.

Впрочем, ведаёт Боже,
За какие карает...
Никогда уже больше
Ни дворца, ни сарая.
Вместо ложи масонов -
Сцена, алым сырая.
В катастрофах массовок
Погибаем, играя.

20.

Для того он и создан
/А не пугалом - полю/
И в невидимость сослан -
Чтобы сваливать волю
Неуместную в теле
И с душой невысоком.
И Всевышний при деле,
И на шею - лассо так.

21.

Что ж, спасибо судьбе и
 За смертельные трюки.
 Отбивайте, плебеи,
 Восхищённые руки!
 Вам бы хлеба и зрелищ,
 Мне бы только, робея,
 Убедиться, что реешь
 И весной - голубее...

1978.

22.

Бесконечная осень -
 Время сердца - не года.
 Хорошо хоть не очень
 Постоянна погода.
 Плюс один или минус -
 Цельсий цейсовски точен.
 Впрочем, казнь или милость
 Голубиные ночи?..

ПОЭМА ИЗВИНЕНИЙ

1.

Взять и эту вину на себя,
 Виноватых смешить - „извините...“
 Мне понравилось, мир населя
 Добродетелью, - стягивать нити
 Всех ненастий вокруг своего
 Горла, ставшего чёрной катушкой.
 И олений режим солевой;
 И костёр будоражить потухший...

2.

Не спешишь ли, закат над рекой?
 Вот опять вдохновенно и шало
 Лист, сорвавшись, пошёл на рекорд,
 За пределы багрового шара;
 Есть осенняя смелость, когда
 Всё исчерпано, кроме бессмертья
 ...Извините, что высохло „да“
 И что всё же природа безмерней...

3.

Ну, конечно, теперь не в чести...
 /Это мне-то с птенцами копать?!./
 Как мучительно перерости
 В синеву, где немеют компасы,
 Как понятно, что кажутся Вам
 Недостойными - не пенелопы.
 ...Извините, что в жертву словам
 Мне равны и цари, и холопы.

4.
 Отчего же светло вопреки
 Тупику, замыканью, забвенью?
 Козырьком напряжённой руки
 /Скальпель света, скользнувший по вене/
 Не прикроете зависти той,
 Что к себе же... /Извечная мука.../
 ...Извините, что белой, святой
 Тильной завистью светит разлука.

5.
 Улетающим разве легко?
 Грех насвистывать в плачущем небе.
 Сколько нас на пути полегло:
 Грудью - в твердь, перепёлками - в хлебе...
 Мёртвых жаль, а живые дают
 Утешенье осевшему в севе...
 ...Извините, что мне-не на юг
 Что строка - указатель на север...

6.
 Впрочем, нечем гордиться, когда
 Без тебя затевается смута -
 Всё равно ведь сдаёшь города
 За минуту тепла и уюта.
 Но заслужен уют и тепло
 Как солдату - из блюдца напиться.
 ...Извините, что Вам повезло
 В телеграфном столетии - на письма.

7.
 Заслонить Вас, украсть, не отдать -
 Дать собой расквитаться со всеми?
 Завоюешь - прощай, благодать
 Крыльев - рук, не расторгнувших семьи,
 Похищающих души и сны

И с одеждой сдирающих кожу.
...Извините, что болью войны
Напомаженный мир перекошен.

8.
Всё же едкий, как дым, каламбур,
Не коснись потемневшего взгляда,
И язык бы шалунье „Ля мур“
Не показывать в щелку...Не надо.-
Ну, куда от жены, от детей -
Издаётся, зная - неблизко...
...Извините, что мне Одиссей
После оды - всегда одалиска.

9.
Алкоголики горьких минут
Мы себя возомнили богами.
Так и жить бы, как в Таврии мнут
Виноградные слёзы ногами.
Попирать эту зетлю дотла,
До прозрачности туберкулёза...
...Извините, что осень светла
Наступавшим на детские слёзы.

10.
Непонятливый люди народ:
Невдомёк им, что горечью краха
Отдаёт от любовных щедрот
Неудачливого вертопраха.
Вот уж ветренник, Боже спаси,
Сам себе закрывающий двери...
...Извините, что вход в небеси
Вам распахнут, как сердце - доверьем.

11.
Пусть гадают, чего же искал
Человек и себе не понятный,
Почему, накрывая бокал,
Опьянялся, любуясь на пятна,
И отдёргивал руку, и вновь
Наполнял, и тянулся к соседу
...Извините, что наша любовь
Постепенно склонялась в беседу...

12.
Наши помыслы столь глубоки -
Захлебнутся щенок и поспешность,
Ведь любое касанье руки -
Терапия, разведка и нежность,
И примерка почётных оков,

И браслета „пляши восвояси“
...Извините, что близко Ольков,
И ольховые ветви, и ясли...

13.
В наших играх опасный подтекст,
Неизвестно, в какие ворота
Постучится внушённый протест
И какая ощерится рота.
Подожду, помолчу, покурю,
Глупость ближних - залогом геройству...
...Извините, что благодарю
За работу по благорасстройству.

14.
Наш товарищ, а этот - не наш...
Усмехнусь, понимая, что правы,
Но подкупен любой шпионаж
Обделённый любовью державы.
Отчего же, почуяв конец,
Роюсь в белом своём огороде?
...Извините, но умный подлец
По высокой шкале - благороден.

15.
Шелести мне, библейский закон,
Одарять неимущих и низших
С пониманием антиикон
И обратной трагедии Ницше.
Сверхлегенда, пока на заре
И не время развёртывать знамя,
...Извините, что в этой игре
Бог со мной, но история с нами...

16.
Что там, занавес или туман?
Предпочтительный промах на сцене.
Всё равно театральный роман -
Слишком правда, и автора ценим.
Пусть, как хочет, сюжет повернёт:
В хэппи - энд ли, в трагелию, в шутку
...Извините, что жалок партнёр,
Улизнувший в суфлёрскую будку.

17.
Наше время не хуже иных,
Наша Родина горше и чище,
Мы же сами у власти пивных
Пониманья и закуси ищем;
Разомлевших - чего ж не связать:
Кляпом - сушку и Пышку - с похмелья...

...Кто-то должен об этом сказать.
Извините, что Вы не посмели.

18.

Эмиграции русский музей?-
Голод сердца при сытом режиме.
Да и здесь, как потомки князей,
Унижаемся перед чужими.
Пожимаете руки - кому,
Прогибаясь до рикши с тележкой...
...Извините, что всё же пойму,
Посочувствовав грустной усмешкой.

19.

Я смертельно устала от Вас,
От себя - будто выжгли калёным.
С морячком бы доверчивый вальс,
С дурачком, остолопом влюблённым,-
О, презренный банальный любой,
Гениальный, как очередь в кассу!
...Извините, но эти - любовь
Не разделят с врагами по классу.

20.

Через призму - лицо мудреца
Многогранно в сиянии и дыме.
Не смущайтесь, не прячьте лица,
Это им умирать молодыми,
Не грешившими против души,
Потому что её не имели.
...Извините, что мне хороши
И камня на шею камелий.

21.

Жизнь дороже, чем меньше дорог,
Вот уже и не вижу к спасенью.
Подсадной ли утёнок-нырок
Или жёлтый, последний, осенний?
Взгляд рассеян, а слух напряжён,
Прожектёрство скрестившихся лезвий.
...Извините, что прут на рожон
Идиоты, но смертники - лезут.

22.

Я останусь одна у окна,
Пешка с крыльями - как на обложке
Чьей-то книжки; Глухая стена.
Полумесяц в крови неотложки.
Дописать бы, успеть бы впотьмах
„Извините...“, незрячей сказаться
...Может, печатся в жёлтых домах

От коричневых ассоциаций?

23.

Обойдётся - не стану пенять
 На судьбу в стороне эшафота,
 Подвиг - падать и подвиг - понять
 И себя сохранить для кого-то,
 Казнь идеи - гарантия от
 Продолжателей, хоть и основа...
 ...Извините, что этот уход
 Для оставшихся легче иного.

24.

Честолюбцам любовных атак
 Пораженья страшной похоронок.
 / Кто ни клялся, что это не так -
 И позировал возле воронок.../
 Ну, скажу, разминулись сердца -
 Ну, смягчу приговор на пороге...
 ...Извините, что мне - до конца,
 До победы по нашей дороге.

25.

Погибает искусство любить
 И не тот, кто уходит, забывчив -
 Одержимый инстинктом добить
 Забывает о смысле добычи.
 Пусть Вам светит любая луна,
 Пусть авансы даются по смете...
 ...Извините, что смерть холодна
 К монологам пособников смерти.

26.

Засыпать, улыбаясь сквозь сон,
 Заслоняясь рукой от кошмаров;
 Что там, луч или меч занесён? -
 Штрих, а завтрашний день - без помарок...
 Отчий дом, ты всегда лазарет,
 А чужие - извольте стучаться.
 ...Извините, что всё это бред,
 Извините, что всё-таки счастье.

27.

Что там рушится - дом или мир?
 Сын щебечет знакомо и ново.
 До свиданья, вчерашний кумир
 На суде, не признавшем земного;
 Разноцветная память, кружись!
 / Грянет свет, выдворяющий взашей/
 ...Извините, что новая жизнь
 Начинается с помощью Вашей.

Где даже дна для смерти нет.
 Где захлебнулся рыбий пир.
 Ни заучить, ни в камне высечь...
 И если выплывет Шекспир -
 Солдатский шанс: один из тысяч...

СОНЕТ: Ну что же, и один
 Творец на мертвом поле воин:
 Он в череп жизнь живую волен
 Вдохнуть, и страсть - в обломки льдин.

И уцелей на всей земле
 Одна беспутная лахудра,
 В ней воссиявшая Лаура
 Взойдет на нищенской золе!

СОЛДАТ: Мужчина одинок
 Как перст на черном пепелище.
 И не утех любовных ищет,
 А кости матери у ног.
 И снова плуг, очаг, семья,
 Кресты на темени планеты...

А уж салаты и сонеты -
 К вину, к излишеству семян...

СОНЕТ: И голоден, и гол,
 Тропою горестно-окольной
 Всю жизнь один бредёт глагол,
 А видит выше колокольни...
 Ему и в смерче шаровой
 Корявый ствол - костыль и лира...
 А ты... Ты жалкий опыт свой
 Возводишь в ранг законов мира.

СОЛДАТ: Трагедия в судьбе
 Народной - этот опыт жалок?
 К слезам прижатый полушалок -
 Тряпье безродному тебе...

Да если б мир внимал стихам
 И забывал прочистить жерла,
 Твоих певцов птенячи горла
 Давно бы с миром - к потрохам...

СОНЕТ: Ну, как ещё с тобой
 Мне говорить, ты как татарин...

СОЛДАТ: И ты элементарен.
 Вкушал нектар - понюхай бой...

СОНЕТ: Я кровью истекал...

СОЛДАТ: Как сбитые голубки...
 А здесь не морс - моча и кал,
 И фарш ушей из мясорубки!

СОНЕТ: Вот то-то и оно.
 А ведь сначала было Слово...

Какая дичь защита кровя:
 Всем небо дадено одно.

СОЛДАТ: Один у смерти чин...
 Как эта почва под ногами,

Оно растерзано богами
 На клочья родин и чужбин!
СОНЕТ: Убийственная тьма...
 Так свято верити в наши мифы...

...Венера с Марсом, спор сизифов
 послушав, скрылись за дома...

ИОСИФ И МУТ-В-ПУСТЫНЕ (По мотивам Томаса Манна)

1. МУТ-ЭМ-НЭТ:

Иегосиф, солнечный мальчик мой,
 Плещет штора: приди,приди...
 Госпожа твоя станет тебе рабой -
 Утопись в груди!
 Прикоснись, как дышит ночная грудь -
 Виноград, через кожу - свет...
 Пять шагов - какой непосильный путь -
 К Мут-Эм-Нэт...
 Языком прикушенным лепечу
 (Для тебя мне по вкусу боль):
 Припади, приди, я тебя хочу!
 Что - любовь...
 Что удел стыдливых шептать слова,
 Мой ли, твой ли Бог...
 Обожгись, как пышет: жива, жива,
 Как пылает бок...
 Пусть лелеют лилии, пусть пасут
 Двух овечек в стране тоски -
 Нас красоты Библии не спасут...
 Искусай соски!
 Образ Родины, солнечный мальчик мой,
 Что - изгою... Ну, пусть свеча...
 Я сама зажгу...
 Ну, заплачь: „Домой...“
 Ну, заплачь, как в маму: „Хочу домой!..“
 Вот я, рядышком, горяча...

2. ИОСИФ:

Мут-Эм-Нэт, пойми, нас на свете нет,
 Станет суше
 Кожа твоя лунная, Мут-Эм-Нэт,
 Квелой груши.

Стану стариком я, Мут-Эм-Нэт,
 Как Иаков...
 Мут-Эм-Нэт, деревья роняют цвет,
 Не оплакав.
 Мут-Эм-Нэт, я скромно тебе служу
 В блеске чина.
 Но в любви рабыню ли? - Госпожу
 Ждет мужчина.
 Мут-Эм-Нэт, что нового в страсти двух?
 Вспомни Еву...
 Я назначен Богу, и я есмь Дух.
 Колет слева...
 Что-то ноет слева, щемит, саднит,
 Чем ты ближе...
 Жалкий раб твой, варвар, варяг, семит
 Я - унижу...
 Подползу к ногам, поднося сосуд,
 Гляну сверху...
 Нет, красоты Родины не спасут,
 Но - Любовь и Вера.

3. МУТ-ЭМ-НЭТ:

Будь же проклят... А я - я смертельно права!
 (Мне ли слышать, как шепчутся люди...)
 Мне твоя окровавленная голова -
 На десерт на серебряном блюде!
 Чем страшнее представлю, тем злее дышу
 И свободней - уже не завишу...
 Что мне ропот веков и в лакейской шу-шу -
 Не увижу тебя! Ненавижу!
 Недоставшийся мне, оставайся ничьим!
 (О, хотя бы такое блаженство...)
 И да будет прекрасен и неизлечим
 Мир вовеки от логики женской...

4. ИОСИФ:

Чужой песок десницей смять,
 А не рукой раба...
 Когда меня таила мать,
 Уже возшла судьба!
 И плачет плоть - и платит - плоть,
 И правят Ра и рок...
 Благослови меня, Господь,
 В любую из дорог!
 Ослепшим нищим по дворам,
 Прикованным гребцом...
 Мне будет сниться Авраам

Торжественным лицом...
 Я всё готов начать с азов
 И в каторжном пути
 Могучих предков тихий зов
 До неба донести...

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Активисты, курчавые дети с живыми глазами,
 Им потом объяснят, что они для России - евреи...
 А пока этот мальчик политинформацией занят,
 Эта девочка учит стихи, прислонясь к батарее...
 И пойдут в комсомол... Это будет последней ступенью
 Их короткой карьеры, и слава, наверное, Богу:
 Поумнеют, начнут понемногу учиться терпенью,
 Чтоб как влаги в пустыне - на всю остальную дорогу...
 Только посох и небо... (А что еще страннику надо?)
 Страх скользнёт и исчезнет, как лёгкая птица в наклоне...
 И библейской печалью наполнятся ясные взгляды:
 Генофонд Моисея и миф о царе Соломоне...

1980.

М О Н О Л О Г И

(рок-поэма)

По мотивам оперы

"Иисус Христос - супер-звезда",

известной на русском в переводах

с английских,

французских

и американских

пластинок.

.....

*Любовь людей... Борьба идей...
 А жизнь одна, и в этом - счастье.
 И тот распятый иудей,
 Как лектор,
 смотрит
 на запястье...*

.....

/вместо эпиграфа/

ВСТУПЛЕНИЕ

Этот опиум,
 опиум,
 опиум
 Богохульства
 и богоискательства...
 Даже джаз апеллирует
 к операм,
 Даже если
 до пошлости
 скатится.

Эти джинсы,
 границ не признавшие,
 Обтянув полушарья
 нахальные,
 На гробах
 истерично
 плясавшие,
 Тоже в партии вступят...
 вокальные.

Поколенья, лишённые музыки,
 Оглушённые разными красками,
 На войне сокращаясь
 как мускулы,
 Возвращаются
 к пройденной
 классике.

Нищетой отрезвит

изобилие,
Молоток
над распятыми -
"продано!"
...Но когда открывается
Библия
Как Америка -
изгнанным Родиной...
Но когда открываются
ранами
Незажившие
древние
истины -
.Значит, всё-таки
телеэкранами
Не закрыли
последнего
листика.
Будь берёзовый он
или фиговый -
Упадёт в перегной
для грядущего.
Но когда над единою
книгою
Космонавты согбенны
и грузчики...
Эти анекдотичные
бороды,
Эти речи -
каскады нелепости...
...Но когда воскресает
аккордами
Первый узник,
замученный в крепости,
Не имеющей стен,
и сколоченной
Без гвоздя;
но когда сочленяется
Супер-смертник,
печальный,
всклокоченный,
И случайно
везде
сочиняется, -
Значит, стоило всё же помучиться,
Значит, мир
созидается
заново,
Что получится - то и получится
Под лазурно-рябиновый
занавес...

ХОР:

В сто шестьдесят второй
Раз в этом году
Миру нужен герой...
Супер-звезду!

Проголодь, гладь да тишь,
Без берегов - вода...
Что же ты не летишь,
Супер-звезда?

Море накроет всех.
Сильный и молодой,
Должен же кто-то вверх -
Супер-звездой!

Выше - дерзни, возьми,
Как заждались везде...
И подпоёт весь мир
Супер-звезде!

Мира согласный хор
Замер, как рыбий хвост...
Если бесшумный мор -
Супер-звезд!

СООБЩЕНИЕ В ПРЕССЕ

Некто неопределенного возраста и без определенных занятий, по слухам именующий себя Иисусом Христом и не состоящий на учете ни в одном учреждении по оздоровлению общества, категорически отказался дать интервью корреспондентам газет "ВПЕРЕД", "НАЗАД" и "ОКОЛО" в связи с тем, что бесповоротно исчез в неизвестном направлении.

Просьба ко всем господам, гражданам и другим квартиро-съемщикам, видевшим этого субъекта, сообщить по международному телефону-автомату /01-02-03/.

Особые приметы: средний рост, джинсы фирмы "Ол райт" /филиалы: Амстердам, Брно, Крыжополь, Париж, Чикаго и т.д./, книжка подмышкой.

Вооружен! /Какой-то опасной теорией/...

.....

СЛУХИ

/Информация к размышлению/

- Ты напрасно открыл ему глаза. Теперь этот идиот сочтёт своим долгом выполнить свой долг...

/Подслушано в английском клубе "ДС" - Делового совета.

Филиалы: Даная Сикстинская, Дайте Сдачи, Двенадцать стульев/.

- Как открыл, так и закрою!

/Подслушано в психиатрической лечебнице для буйных Колумбов.

Филиалы: выставочные комитеты, ларьки по продаже даров природы и другие частные лавочки загнивающего **капустоизма.../**

Чем помочь, воссияв из ночи,
Как десантник - парашютист?
Что сказать вам

и чем помочь вам,

Плоть звездами
изрешетив?

Люди в белом,
зелёном,
алом!

Полетаешь туда-сюда, -
С историческим
интервалом

Всеязыко
блажит
беда...

Вы пасётесь в дурных столовых,
Вы жуёте бульварный слог,
Вы плодите детей здоровых:
Углеводы, жиры, белок.

Все мольбы -
о сельхозпогоде,

Все грехи -
на одни штаны...

Не привились к людской породе
Ветви Бога
и Сатаны.

И беспомощно пляшут в черном,
По экватору встав стеной,
Человечки на закопченной
Утлой амфоре -
"Шар Земной".

Мне видней, воссияв из ночи,
Мелкость жертвы
и палача.

Как любить вас

и чем помочь вам?
 Только мыкаясь
 и мыча:
 Приземлиться,
 сказаться нищим,
 Взвыть юродивым
 на плацу!
 Повернуть вас
 от жирной пищи -
 К человеческому
 лицу.

Монолог за железной дверью, висящей в воздухе. /Один источник
 приписывает его Иуде, другой - заместителю наместника по оргработе,
 третий, очевидно, сослался бы на голоса, которые преследуют нормаль-
 ных здоровых людей по ночам, чтобы расколоть румяный и безоблачный
 лагерь **солнцализма**. .. Мы воздержимся, ибо не уверен - не разоблачай,
 а уверен - тем более.../

Итак, монолог за железной дверью, висящей в воздухе...

Он, кажется, верит
 Всему, что о нём говорят...
 Шевелятся двери
 И свечи со свистом горят,
 Не кони, а пони...
 Сомнительный супер-Христос...
 Он даже не понял,
 Что массажи правит гипноз.
 Как рыночный фокус
 /Шарманка сердечней, чем Бах/...
 Железная окись
 От яблок на детских губах.
 Ну что же, герои -
 Достойные дети эпох...
 Но грустно порою,
 Что глуп новоявленный бог;
 Премудро наивен -
 Библейских овечек пастух,
 ...Поставим на имя,
 Пока интерес не потух...

Тем временем где-то...

ХВАЛА МАГДАЛИНЕ

Люблю тебя, Магдалина,
 О, смуглые твои плечи,
 О, солнечная долина
 Нечаянной нашей встречи!
 О, губы - ночная мякоть
 Как вишни в дожде,
 о, руки
 По клавишам...
 Сладко плакать
 Вдвоём от любовной муки.
 Ну что ты, ну что ты, это
 Не в дверь - позвонок под кожей...
 О, спать,
 о, вздох, о, спета
 Молитва,
 о, небо - ложе!
 Не лжешь ни одной прожилкой,
 О, дрожь, о, всегда впервые!
 О, если бы всем ложиться
 Решающим мировые
 Проблемы...
 О, блядство духа,
 Ублюдство святого дела,
 А родинка возле уха...
 А Родина - возле тела...

СЛУХИ

/информация к размышлению/

- Кто-нибудь видел этого заросшего, обезумевшего человека с затравленным взглядом? Почему он от всех шарахается?

/Перевод с французской пластинки/

- Кто-нибудь видел этого заросшего, затравленного человека с обезумевшим взглядом? - Шарахается от всех...

/Перевод с английской пластинки/

Создавшему мираж,
 Сгустивший наши краски...

Выходит персонаж
 На улицу в опаске...
 Не рухнет ли кирпич?
 Не выдадут ли тени?
 Не время ли постичь
 Немую речь растений?
 Отличный тренинг для

Системы нервной - в этой.
 Бродить, патрульных зля,
 В кольчуге слёз и света.
 Сочувствует любой
 И каждый ненавидит,
 Все думают - любовь...
 /Нормальный же не выйдет.../
 Наивные, - кичась
 Любви - с мостов кидаться,
 А комендантский час,
 Круг, остров Комендантский, -
 Для тех, кто сжат в кольцо
 Интриг, кому не спится
 До выстрела в лицо
 Наёмного убийцы...

Тем временем - там же...

ХУЛА МАГДАЛИНЕ

Магдалина, мне с тобою скушно,
 Магдалина, ты не чистишь зубы,
 Магдалина, это нужно скушать:
 Наши ночи лунные на убыль...
 Магдалина - выпитая жажда,
 Магдалина - черная суббота,
 Магдалина, каждому и каждый -
 Страсть, и вдруг - поденная работа.
 Магдалина, я ль тебя не знаю -
 Я ж тебя, как прочие не смели...
 Для чего в постели отбивная
 Мне, Христу, весёлому с похмелья!
 Магдалина, ты - моё прощенье,
 Мы с тобой простимся на балконе,
 Магдалина, я - твоё отмщенье,
 Ох, и будет весело иконе...
 Я ж её до крови искусаю,
 Заласкаю всю до полусмерти...
 Магдалина, я тебя бросаю
 До утра...
 /А трешница - в конверте/.

СЛУХИ

/информация к размышлению/

- Его где-то с кем-то видели и он о ком-то что-то сказал...
- Ну и что же?

- А если это о ...
- Послушайте, за кого Вы меня принимаете?! Я - порядочный человек...
- Вот это-то и обидно, о порядочном человеке и такое... такое...
Надеюсь, Вы понимаете?
/“До чего все-таки глупый пошел народ... О нём
сказали, что он порядочный человек, а он же ещё и обиделся.
Ну, теперь держись, супер-звезда... Теперь покатится - не
остановится...”/

На рыночной площади.
/Мокрые камни
скользят под ногой
черепицу крыши...
Дождь, ветви и тени,
всё тише и тише...
Скалистыми,
средними пахнет веками
В пугающей полночи...
Красная роза
В петлице -
и там, за чугунной оградой,
Кладбищенский символ:
и плоть,
и угроза,
Романтика смерти.../
Всё проще гораздо.

- Пожалуй, с ним будет не так уж трудно справиться...
Этот Дон Кихот - просто зарвавшийся Дон Жуан. Он сам льёт
воду на нашу мельницу...
- Ты пронизателен, как майор Пронин из совмещенного санузла.
Для цивилизованного мира эти штучки не подойдут.
- А ты, как бык, закипаешь на красное: и далась тебе эта
роза...
- В том-то и дело, что не далась... /про себя/
Вслух:
- Довольно болтать. Подними лучше ленточку от сомбреро,
вон - под ногой...
- Кретин, это же запись нашей последней беседы!..
- Тем более непонятно, почему ты решил забыть её здесь.

Угрюмая винтовая лестница наращивала обороты, как заводной
волчок...

Тем временем - где-то:

Донна Анна, зачем Вы в чёрном?
 Выше голову, донна Анна!
 Как мне с Вами по числам чётным
 Высоко,
 и свежо,
 и странно...
 Донна Анна - еловый иней,
 Вся - игольчатый свет озноба...
 Колокольное Ваше имя
 Раззвонить
 языком
 о небо!
 В небе пасмурно,
 /Дон-на...Ан-на.../
 И безжизненно
 /Ан-на...Дон-на.../
 И ученье мое пространно,
 Но мученье мое - бездонно...
 Донна Анна, ничья идея
 Жертв не стоит,
 как сил - воскресник.
 Пусть я толком не знаю, где я,
 Но повсюду мясник - наместник.
 Ну, Пилат...
 Ну, пират...
 Парламент...
 Рвань плебейская - "шайбу! крови!"
 ...Где Вы, милая, плащ порвали?
 И размазаны плачем брови...

... А винтовая лестница, которая крутилась, как заводной волчок /только кошки брызгали в стороны чёрными кляксами/, вдруг остановилась, как дыхание, и сразу же потекла вниз, выравниваясь, как эскалатор. На перилах поочерёдно светились фаянсовые столбики жасмина и голубые административные ёлочки...

- Какой сюрр!...
- "Десять су за голову лже-Иисуса!"
- "Новый неурожай в племени НИ БУМ БУМ!"

... К горлу подкатывали арбы и арбузы. Рыночная площадь оживала... Первый кинжал солнца срезал красную розу за витиеватой чугунной оградой. Клочок плащевой ткани, будто стыдясь, сполз на землю, даже не уцепившись в последний момент за ограду. Да и не было за что уцепиться: куцый кустарник перестал отбрасывать таинственно-величавые тени...

- Н-да... Этот мир слишком материален даже для нас...
- И тем не менее, в нем исчезают даже от нас...
- Только те, кто практически не существуют.

Тем временем - там же...

Странный мальчик...

Маньяк...

Сирота...

И зазнайка...

Еще не проспался...

Эти горькие складки у рта...

Эта смуглая нервность испанца...

Что ты сделал со мной, шалопай!

Не довольно ль гневить командора!..

Лучше с воплями к хиппи ступай

И кухарок лови в коридорах...

Разметался...

Ромео...

Ацтек...

Как сквозь клятвы - пунктиры аренды

Проступает порода в лице

Подтвержденьем

опасной

легенды...

Он, пожалуй, не так-то и юн,

Как насмешлив, угрюм и беспечен...

Палестинские

родинки

дюн

Партизанят

за левым

предплечьем...

...Луна, круглая, как часы, и часы, круглые, как луна. Вермише-левые обрубки римских цифр и стрелки, то совпадающие - то расходящиеся, чтобы снова прижаться друг к другу в типично итальянском экстазе. Циферблат из-за лунной накладки /творец, не пытайся все предусмотреть - и будет на что смотреть/ отливает мрамором, как будто в пространстве плывет голова Богини Времени. Урна для жертвоприношений переполнена: испутившие дух воздушные шарики и презервативы, клочки цветов и газет. Один висит на краю, брезгливо

сморщившись. Не то "Водное поло" - не то "Попололо". Понять невозможно - его время уже прошло...

В бумажных стаканчиках брызжет радостью кока-кола.

Мерцающая, как ночная Венеция, пластинка создает звуковую иллюминацию...

Кого чеканим на монетах
И в памяти храним кого...
Сотри,
 кого на свете нету,
И час, и профиль роковой;
О, сколько было разговоров,
Не виноградник - полигон...
В какой постели спит
 Суворов...
И кремом взбит
 Наполеон...
Доколь не втопчем гордых линий
Под сапожок,
 о, сколько лет!
И Муссолини, и Феллини
Уже давно простынет след...
Кто - на Янцзы,
 а кто - на Рейне...
Мадонна,
 только ты одна
Как остановленное время
Непогрешимо холодна.

Тем временем где-то...

/Супер-молитва в люмпен-мансарде/

/На столе веер журналов и ворох окурков в сопровождении гитары. Журналы, очевидно, должны вызывать ответный блеск в глазах, как подарки Миклухо-Маклая туземцам. Америка или Палех? Трудно сказать - уж очень блестит. Впрочем, всё это не имеет значения, потому что супер-звезда закатилась сюда совершенно случайно, а такси оторвалось от фиата в штатском в воздух, издевательски помахав открытыми дверцами. О чём было немедленно сообщено по телефону 01-02-03 и составлен акт на имя районного отделения Ватикана и вверенных ему автоколонн./

Религия моя,
 моя ночная
Молитва, сказка,
 лампочка,
 сиделка
Воображенья...
 Господи, я знаю,
Такая жизнь - чудовищная сделка

В твоём воображеньи.
 Но послушай,
 Как бьётся сердце: истинно и свято...
 Я твой глашатай,
 но гортань иссушит
 Мирская жажда...
 Время виновато?
 Законы государства?
 О, немое
 Согласие враждебных институтов...
 И церковь - позолоченной тюрьмой,
 И целостность -
 скушнее проституток.
 Религия моя,
 моя свобода,
 Покуда житие,
 а не житейство
 /И женщины в бирюльках несвобода
 Как будто не из этого же теста.../
 Религия моя,
 моя икона,
 Какого мне рожна,
 какого лиха?
 /...А всё-таки сикстинская мадонна
 Не слишком сексуальная чувиха./

Норвегия /Урожденная Христиания/

"Осложнение в Осло"
 Экстренный выпуск -
 "Осложнение в Осло!"

"...Ограблен центральный магазин фирмы "Серебряные
 коньки"! На месте преступления обнаружена лайковая
 перчатка, изрезанная коньками, как берег фьордами.
 А также записка, именующая себя распиской в получе-
 нии товаров для детей африканского континента...
 Подпись - Х."

.....
 Сообщение АПН /Агенства Папуасские Новости/:
 "Выражаем свои соболезнования ослинской фирме.
 Потерпевшим выслано Х вагонов бананов. Все дети,
 умеющие кататься, поставлены на ноги и выражают
 протест своему неизвестному благодетелю."

.....

СЛУХИ

/Информация к размышлению/

- Интересно, кто бы это мог быть?
 - Кто да кто, а хоть бы и Хоттабыч какой... И чего везде протестуем? А Вы, гражданин, в бутылку не лезьте - и так трое...

Тем временем - где-то
 /супер-молитва в супер-тоске/

Господи, прости меня, грешного,
 Выкорчуй назад землеройными...
 Все, что жрут, плодятся и чешутся,
 Были златокудрыми, стройными.
 Господи, мне люди не братия,
 Чванятся ремёсел бессмыслицей.
 Как замок амбарный - объятия,
 Как бы мне отсюда намылиться...
 Богом я оставлен по метрикам,
 Лопнуть бы, как шарик, от гордости...
 Воздуха нигде по америкам,
 На деревню - выведу - Господи...
 Все орут: "свободы пирожного!"
 /С хлебом здесь как будто налажено/.
 Господи, я встретил острожника -
 Все лицо петитом загажено.
 Мать моя, не помню лица её,
 Светится печально, как Родина,
 Снится не кормящей - листающей
 Книгу, что не пропита - пройдена...

ХОР:

Хором петь хорошо:
 Каждый понемногу,
 И стереть в порошок,
 Кто поет не в ногу.

Хорошо хором петь
 И молчать, кто хочет -
 Оркестровая медь
 Все перегрохочет!

Связь пружин горловых
 С мышцами коленных
 В мировых духовых -

Отсветы - военных!

Че-рез мост
 пере-шли,
 Поровну -
 лимоны...

Ртов орущих нули
 В хоре -
 миллионы!

Париж. Годовщина казни Робеспьера.

ПЕСЕНКА МЕНЕСТРЕЛЯ

Эта жизнь, где жгли и грели,
 Смертью осиянна.
 Отпевали менестрели
 Казнь Максимильяна.
 Ученик природоведа -
 В кровь, не зная броду...
 Разве исповедь от бреда
 Отличить народу?
 Этой силе, что зажата
 /Пастбищ каторжане/
 Откровения Жан-Жака -
 Натощак жужжанье.
 Дай свободу этой силе -
 Ринется отара:
 Дай смешать надменность лилий
 С грязью тротуара!
 Той же картой бита карта:
 Красных звезд моложе
 Тюильрийские кокарды,
 Вдавленные в кожу.
 Что ни век - то век железа,
 И реванш рептилий.
 Заглушает Марсельеза
 Стоны из бастилий.
 Дружно, как электродрели,
 В мире, что неистов,
 Отпевают мини-стрели
 Крах максималистов.

В кабинете, где пыльные пальмы и картинки с угрозой
 напалма. Дебри Африки вместо столиц... /Чтобы в случае
 слишком отчётном оправдаться: не видели лиц - ночью негры

сливаются с чёрным./

.....

- Ну и пусть себе молчит, что хочет... Он же молчит...
 - Он молчит вызывающе...
 - И вообще куда-то исчез: не то к чьей-то жене с чьей-то любовницей - не то к чьей-то любовнице с чьей-то женой...
 Весь атлас, что ли, флажками утыкать?

.

Наместник. Наедине с собой и империей.

Иных уж нет,
 а те уже далече...
 Опасен ли империи чудак?
 Казнить опасней -
 трон щекочут свечи
 Паломников...
 Не лучше ли чердак
 Пожаловать?
 Патлатый диссидентик
 Остолбенеет...
 Супер-пилигримм...
 Вот причешишь,
 одумайся,
 оденься,
 Тогда...
 Тогда ещё поговорим
 На языке понятных недомолвок:
 Что - истина,
 что - слава,
 что - слова...
 Империя - курятник недовольных.
 Пусть петушится чья-то голова:
 Лишь гребешок, а не очаг пожара...
 Да и атлант
 с кувалдою в руках...
 Империя нуждается, пожалуй,
 В птенцах, чтоб не остаться в дураках.

.

Иисус. Наедине с собой и Иудой.

...Да, да, конечно,
 должно жить как тени,
 Мы не в стране дряхлеющих отцов...

Я не смутьян, Иуда,
 но смятенье
 Опасней ржанья дерзких жеребцов,
 Кто понимает...
 Смилуйся, Иуда:
 Не жди других...
 /Наследство - на запой/
 Пойми, не мне надеяться на чудо
 И унижать себя перед толпой.
 Ты говоришь, к наместнику повестка?
 /Смешно и грустно:
 дрогнула рука.../
 Ну, в дефиците гвозди -
 так повесят,
 Икрой заткнут - надежней мышьяка
 Вгоняет в сон...
 Всё смерть - когда от власти.
 Чего ты ждешь?
 Ты слышишь сапоги?
 Я твой крестовый козырь...
 В нашей масти
 Лишь тот сыграл -
 кто вовремя погиб.

Иисус. Наедине с собой и Магдалиной.

Магдалина совершила омовенье,
 Как невеста ослепительна - без платья.
 Магдалина, извини за откровенье:
 Не твои - мои губительны объятья.
 Не шепнуть бы - удержаться бы - на ушко:
 Это ж я тебя на улицу - блудницей...
 Хля,
 девочка,
 лолита,
 потаскушка,
 Мне, святому,
 непристойно провиниться:
 Эта роль мобилизует на распятье,
 Так что в сторону - пирушки и бордели.
 О, двурукие двуликие объятья...
 Похристосуемся -
 время на пределе...
 Мне к апостолам еще смотаться надо
 /Собутыльники,
 угодники,
 профаны/
 ...Слышишь,
 лунная ночная серенада

Отплывает
в парафиновые
ванны...

Иисус. Наедине с собой и апостолами.

...Когда оборвутся последние нити,
Последнее слово - за мной.
И полное право ответить:
 вините
Себя, измельченных войной.
Руины и пепел - эстетика боя,
А вопли - животный инстинкт.
Брезгливо и тошно,
 и лишь голубое
Пока не истлеет - простить.
О, бывшие друзья, не надо, не плачьте
Как бедная лиза...
 Увы,
Старался любить вас, да слишком богаче,
За что - не сносить головы.
Не вас обманули, а мне подсказали,
Что больше от Бога дано.
Что взрывы ладоней и освисты в зале
Не бросят в восторг и в окно.
Что нам прокаженным - не вам пораженным
На свете больней и темней:
И совестно в блядство,
 и муторно к женам,
И горько влюбляться в теней.
Что держит на свете?
 Какие объятья?
Не создал достойных Господь.
Прижми же сильнее,
 деревяшка распятыя,
При жизни остывшую плоть!
Расхлёбывать все, что Всевышний содеял,
И казнь превратить в казино! -
Когда остается похерить идею
И с нею себя - заодно.

Иисус. Вечером перед казнью.

...Девочка,
 не надо слишком близко...
Ты чужая, хрупкая, хорошая.
Хочешь вафлю или барбариску?

И катись, чтоб желчь не огорошила!
 Ты и слов таких чудовищных не слышала.
 /Это вы ещё не проходили/
 Видишь, вот мой дом -
 окурков слипшихся,
 Крематорий всех моих идиллий.
 Ишь, трепещут пальчики-воланчики,
 Бабочка ночная...
 Одалиской?
 Ведь того гляди - сейчас расплечется,
 Девочка,
 не надо слишком близко!
 Я и так забыл, зачем пришел сюда,
 Словно дали профсоюзную путевку.
 Пью с апостолами и дышу природою,
 Божий, сукин, блудный, непутевый.
 Я себя люблю, моя хорошая!
 Вот уже "моя", а не "чужая",
 С оговорки начинается...
 А брошенной
 Как - тебе?
 Моих - кому рожая?
 Мне назначено в святоши и мыслители,
 А зачем все это - я уже не знаю...
 Будь хоть впредь,
 ну хоть с другими
 осмотрительней,
 Незнакомая,
 последняя,
 родная...

На приеме у наместника.

Бессмысленна смена времён -
 На двери блестящих табличек...
 О, сколько на свалке - имён...
 О, сколько срывающих лифчик
 /Как банк/
 с голубых секретарш
 /Цыганская тушь со слезами/
 Полжизни - на каждый этаж,
 Все выше...
 И в землю сползают.
 Наместник.
 Чернильный прибор -
 Его триумфальная арка.
 Гремит телефонный прибор.
 Сиятельной лысине жарко
 Как в Сочи;

Такому и рай
 Столь бархатным снится сезоном,
 Что может рискнуть - выбирай! -
 Тому, кто обдует озоном
 Не слишком...

 /Ведь всё же летим
 Куда-то, как вырядясь - в гости/
 ...Сверкают,
 пробив дермантин,
 В запястьях -
 обойные гвозди
 Как запонки...
 Чернь под окном
 Раскинула неводом руки...
 ...О, можно ль мечтать об одном:
 Конце
 человеческой
 муки...

ХОР

Крови твоей, Иисус,
 Будь ты... калмык из венгров!
 Слишком велик искус
 Вкус
 голубой
 изведать...
 Запонки -
 в солнца ватт!
 Выживешь - в землю примем!..
 Кто-то же виноват
 В том,
 что творится
 в Риме...
 Кайся! -
 смотри ж ты, горд,
 Морщится
 лоб
 слоисто...
 Мир наше имя,
 хор!
 Хору -
 зачем
 солисты?

Что гвозди, и яды, и чад,
 А ты только губы кусаешь в лохмотья,
 Когда от уколов кричат...
 Ну чтож, для того и посажен на плечи
 Угрюмый носатый орел:
 Искать оправданья грехам человеческим
 И свой же клевать ореол:
 Убий, укради, соглядатаев пестуй,
 Лягушек страви и мышей,
 Но если уж выбрал по совести место -
 Виси и молчи, как мишень.
 Ты сбросил доспехи, рожденный в рубашке,
 Лишь крестик на тонкой цепи
 Сверкнёт самолетиком...

Солнце ромашки

Согласно кивает - терпи...
 Последним лукавством проймет, догорая,
 Истерзанный праведный пыл:
 Ну что, собираешь вещичи для рая?
 А гири грехов не забыл?
 Исчезни, ромашка, и лампа, потухни,
 И зёрна, посеяв, - рассы...
 Греховно ль, что хлеб выпекается в кухне,
 Когда у печи - Моисей?
 Греховно ль, что в теле звенели сосуды
 И пенилась кровь до зари?
 Недаром же мертвых сдают, как посуду,
 И все же - светлы алтари:
 Греховно ль, что, может быть, лишь на мгновенье
 /Сползаешь, как выжатый флаг.../
 Ладонь театрального благословенья
 Сожмется в бессильный кулак?
 Ты все же своей - не чужою запятнан
 /Утеха уроненных глаз/
 И божья коровка стекает с запястья
 Мучительно
 медленно
 длясь...

Тем временем - где-то...

Черным айсбергом - монашка
 Под окном.
 Проститутка и милашка
 Под вином...
 Здесь паршивые отели.
 Атташе,
 Позаботьтесь-ка о теле
 И душе:

Два гранёных, как в России
 Говорят...
 Документы запросили?
 Отворят,
 Если надо... Крест сколотят
 Без гвоздей,
 Вон хоть этот самолетик...
 ...Иудей.
 Возраст средний. Имя - всуе
 Никчему.
 Да и господи... Иисусе
 Несть числу...

Иисус. Наедине с собой и распятым.

И жизни, и казни - не раз повторится,
 И не оскудеет восторг!
 ...Презреют Иуду, который - за 30,
 Иуды за так и за сто.
 Прозреют потомки: помашут кадиллом,
 Намажут на грунт знатоки.
 Но спросит ли кто-нибудь, как выходило
 Всегда, что казнили - таких?
 Я пью за тебя, любознательный малый,
 Над партией сорви-голова!
 Чтоб даже над плахою не понимала,
 Какие - нельзя задавать...
 Я к этому времени вовсе остыну,
 А, может, развеюсь в золе.
 Но как - только вдумайся - божьему сыну
 На матери жить -
 на земле...
 Насильничать каждым движением тела
 И хныкать в платок небеси.
 А как же иначе?
 Вот в то-то и дело...
 А как же другие?
 Спроси...
 Бессонные звезды в запястьях потрогай...
 ...Беда - на подмогу - лиха,
 Но зрячий не видит, какую дорогой
 Иначе
 уйти
 от греха...

Иисус. На рассвете перед закатом.

...На закате слабеют узы

Парашютные:

торс - к душе...

Жить, как дети едят арбузы -

Невоспитанно, до ушей!

Захлебнуться пожарным соком,

Задохнуться туманом рек!

Позабудьте, что о высоком

Я нашептывал,

молвил, рек...

Вот и шмякнулся фруктом оземь, -

Обнимай меня, трын-трава!

Виновата земная осень...

Неподвижная ось - права.

х х

х

Диалог за неподвижной дверью, висящей в воздухе.

- И всё-таки об этом супер-Христе слишком много говорят. Чернь может поднять его на щит...

- Как поднимет - так и затопчет... да его никто и не видел в Империи... Впрочем, на всякий случай подберите кандидатуру Иуды.

- Как гласит народная мудрость: был бы Христос, а Иуда всегда найдется...

.

Христос. Наедине с собой и веревкой.

Чей же я тут?

Чей ни

Станешь -

Прибьют суки...

Не поцелуй черни -

Так белизной

руки.

Брат,

иудей,

ворог -

Парламентёр

в Риме...

Тесен словам ворот...

Как совладать

с ними?

Желчь или кровь -

лава,

И никуда -

в завтра...

Всем вам нужна

слава
 И никому -
 правда.
 В тряпку молчи:
 флаги -
 Всем.
 Никому -
 небо!
 Бог, - выбирай лагерь
 Или - считай -
 не был...

В кабинете, где фикус и кактус, и - на кнопках - очковая карта -
 с...- тсс - шуршанье ковровой дорожки: не спеши доложить - огорошить...

- И вообще ваши методы устарели. Люди хотят быть порядочными.
 - Смею заметить: выглядеть...
 - Так что же вы предлагаете?
 - Ничего особенного, как и тогда... Один-два фокуса с прокаженными
 на базарной площади - и все само покатится, пока не остановится...
 Уверяю Вас, виноватых не будет. Тем более, что кто-то уже поработал за
 нас...
 - Ну, загадки, это по вашей части... А по мне - пусть обезьяны по
 лианам гуляют - лишь бы кокосы в голову не летели...
 /Про себя: Ох, Африка, Африка.../

x x
 x
 Время спустя - там же...

ХОР:

История - не идиллия:
 Тяжелый сапог Италии...
 И всё-таки проходили мы
 Не бойни её - баталии!

Пред шлюхами и мадоннами
 Склоняли колени гении -
 Издельями макаронными
 Не кормится вдохновение.

Мы что-то теряем, Господи,
 В берёзах и виноградниках...
 Шуршат катастрофы в городе...
 Погибнуть в строфе!
 Во всадниках!

Истечь, в Ренессанс не веруя,
 На снег - ручейком гранатовым...
 ...И вдруг - воскресенье вербное!
 Христово!
 И Леонардово!

Когда читателя не ждут, -
 Не льстят с луны или с Полярной.
 И задушевно-популярной
 Беседы к чаю не ведут.
 О чем все это и к чему -
 Не понял автор.

И герои

Его не слушались порою.
 Но всё же - к сердцу и челу.
 Все непредвиденно в стихах,
 Врасплох, - как света колоннада
 За поворотом...

Так и надо -

Потом отметишь, впопыхах.
 Но возражений голоса,
 Опережающие строчки,
 Спина, сутулясь в одиночке,
 Не слышит, чтобы дописать:
 "Сюжета нет, и кто есть кто?
 И автор прячется за ширмой..."
 Да нет же - богом из машины
 И в каждой шкуре и пальто.
 "Христос - бульварный Дон Жуан.
 Он занят собственной игрою."
 А как застывшему герою
 Вживаться в колер парижан?
 Как хорошо, что не сличал
 Читатель оперу с поэмой:
 "Нападки, варварство над темой"...
 Так свалим всё на англичан.
 "Толпа, как ненависть, слепа"
 Ну что ж, в семье не без народа...
 Но мадригал ему и ода,
 Когда - под тяжестью столпа.
 "И вся концепция на треть
 Не всепрощение, а ярость"
 Ну что ж... Убийственная ясность
 Не догматичнее, чем смерть.
 Когда читателя не ждут,
 Ему ни в чём не потакают.
 И даже справочка такая -
 Лишь педантический недуг.

